

Г. А. Воскресенская

**ЕВГЕНИЙ
КНОРРЕ**

Биографическая повесть

Г.А. Воскресенская

ЕВГЕНИЙ КНОРРЕ

Биографическая повесть

Сыктывкар 2010

УДК 82-3
ББК 84-44
В 76

*Издание подготовлено при содействии
ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
и финансовой поддержке ООО ЛПК «Леспром»
(директор – В.П. Никольский)
и ООО «ПечораЭнергоРесурс» (директор – А.Н. Ярмолик)*

Воскресенская, Г.А.

В 76 Евгений Кнорре : биографическая повесть. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2010. 68 с.: ил.

ISBN 978-5-87237-748-1

Евгений Павлович Кнорре – известный биолог, кандидат биологических наук, лесовод, организатор первой в мире лосиной фермы в Печоро-Илычском государственном природном биосферном заповеднике, большой знаток и любитель природы. Жизненный путь его семьи с огромной любовью описала в своей повести племянница Евгения Павловича Галина Андреевна Воскресенская.

Активное участие в подготовке издания принимала ветеран Печоро-Илычского заповедника, бывший сотрудник лосефермы Эльвира Николаевна Кудрявцева.

УДК 82-3
ББК 84-44

© Воскресенская Г.А., 2010
© ФГУ «Печоро-Илычский заповедник», 2010.
© ГОУ ВПО «Сыктывкарский гос. университет», 2010

ISBN 978-5-87237-748-1

*Поместье Неклюдовка
Пензенская губерния
станция Лунино
д. Березенки*

Это произошло в 1902 году в поместье Неклюдовка январским зимним вечером, когда за разрисованными морозом окнами белели снега, а от ледяного ветра качались ветви сосен и елей. Большая и дружная семья Кнорре сидела за столом. Мать разливала чай из сверкающего серебром самовара, лакеи в белых перчатках бесшумно разносили чашечки. Шел неторопливый разговор. Всегда спокойный, доброжелательный отец Павел Карлович внимательно выслушивал каждого, кто был рад поделиться своими проблемами и впечатлениями минувшего дня. Дети обожали отца, и он любил их, как говорят в народе, без памяти.

Внезапно хозяйка дома Алиса Карловна встала из-за стола и удалилась в свои апартаменты. Ее место у самовара заняла старшая дочь Анна. Спустя 15–20 минут раздался крик ребенка. «Мама благополучно разродилась мальчиком», – громко объявила Анна.

В семье Кнорре 31 января 1902 года родился двадцать первый по счету ребенок. Назвали его Евгением.

К концу чаепития мать спокойно вошла в столовую и как ни в чем не бывало заняла свое место у самовара. Алиса Карловна невольно переглянулась с Павлом Карловичем. Возможно, супруги вспомнили свою первую встречу. Произошла она в «Поречье». Павел Карлович, молодой лесовод, тогда практиковал у знаменитого Карла Францевича Тюрмера. Алиса, его дочка, 14-летняя девочка, бегала с корзиночкой в лес за ягодами с деревенскими ребятишками. 29-летний лесовод страстно влюбился в юную деву, считая ее недоступной мечтой, звездой в далекой галактике. Про себя он называл синеглазую красавицу Алису своей деревенской Джульеттой, хотя она отнюдь не обладала характером шекспировской героини. И то, что Павел Карлович получил в жены молоденькую девушку, было исключительно ее заслугой. Непримиимое отношение к общественному мнению, к бесконечным протестам родителей и священников заставило Алису в конце концов предъявить ультиматум: перехожу из лютеранской в православную веру! Пастор сдался... и обвенчал их!

Первые годы после женитьбы Павел Карлович продолжал служить в Пограуже Гродненского уезда Вильненской области в богатейшем поместье известного государственного деятеля Германии. Анна, несмотря на юный возраст, смело взялась хозяйничать. Она быстро вникала во все дела мужа, поражая его дельными советами. (На протяжении всей жизни Алиса Карловна умело, аккуратно, расчетливо вела все хозяйство дома, имея 21 ребенка и массу родст-

венников, проживающих в их семье. Дети росли, женились, уезжали и приезжали – двери огромного дома Кнорре были гостеприимно распахнуты для всех).

Однажды Павел Карлович получил известие о том, что его отец Карл Христофорович Кнорре, директор и основатель обсерватории в г. Николаеве на Черном море, по возрасту ушел в отставку в чине тайного советника, генерал-лейтенанта и поселился на постоянное место жительства в Петрограде.

В 1888 г. Павел Карлович с супругой был приглашен в Германию на торжество по поводу вступления на престол Вильгельма II. Одежду для такого случая заказывали во Франции. Платье для Алисы Карловны, из легкого шелка светло-сиреневого цвета, доставили из Парижа. Украшениями были золотые кольца, ожерелье, диадема в виде маленькой короны, сверкающая фиолетовыми камнями аметиста. Туфельки под цвет платья завершали наряд, в котором Алиса Карловна была очаровательна.

Пришла пора обзавестись собственным поместьем – в семье подрастало уже восемь детей. В Пензенской губернии, недалеко от железнодорожной станции Лунино вдоль реки Суры, Кнорре приобрели участок леса, сад в пятьдесят десятин и усадьбу: барский дом, выстроенный в русском стиле, имел свыше сорока комнат, пристройку для прислуги, дом для садовника, лесничего, конюшни, сто-рожки, прачечную и другие необходимые хозяйственные помещения. В отдалении – скотный двор, птичник... Целый поселок под названием Неклюдовка. Павел Карлович и Алиса Карловна с удовольствием стали благоустраивать

свое гнездо. Часть слуг были привезены из Пограуже. Поэтому маленькое «государство», где были сохранены все правила и традиции, заработало быстро и четко.

В доме был большой зал, гостиная, две столовые, кабинеты Павла Карловича и Алисы Карловны, дворецкого и экономки Натальи Николаевны. Здесь же находились детские комнаты, классы для занятий, гимнастический зал, богатейшая библиотека и оранжерея-сад, где жили канарейки, попугайчики и другие пернатые. В зале стояло два концертных рояля, в гостиной – пианино и арфа, на стенах висели скрипки. Десять лакеев и двадцать горничных поддерживали в доме порядок. Полы мыли и всякую другую работу выполняли приходящие уборщицы, истопники. Дворецкого Павла Петровича, любимца Павла Карловича, боялись не только слуги, но и господа. Экономка Наталья Николаевна, правая рука Алисы Карловны, сама давно уж была помещицей, так же, как и дворецкий Павел. Но, привыкнув к семье Кнорре, они не смогли расстаться со своим местом и служили господам, как и прежде.

В многодетной семье Кнорре по несколько лет жили племянники: дети сестры Анны Герле, брата Алексея Карловича Шпейера, московские родственники дочери брата Павла Карловича – Аля и Герда Кнорре. Прасковья Карловна Биорг с тремя дочерьми жила с сестрой постоянно и к мужу не вернулась. Она управляла всем персоналом трех детских комнат, следила за детьми. Все важные мероприятия, лечение и т.д. согласовывались с Павлом Карловичем, Алисе Карловне заниматься этим не хватало времени, поскольку на руках у нее было огромное хозяйство.

~ 6 ~

Из лесной деревни Березенки бедная вдова Будорагина, имеющая десять детей, привела свою старшую дочку Катюшку, черноглазую, чернобровую, румяную как красное яблоко, пышущую здоровьем 15-летнюю девчонку. Посматривая из-под черных ресниц, Катюша всему удивлялась и поражалась: и богатству, и красоте убранства, и абсолютной сверкающей чистоте.

Вышла суровая старшая горничная Мария Степановна, повела их с матерью в кабинет экономки Натальи Николаевны. Долго беседовали. После ванны одели девушку в новое белье, какого она сроду не видывала, дали туфельки, шелковое синее платье, белые кружевные нарукавники, воротничок и фартучек, тоже из кружев, на голову прикрепили большой черный бант. Такова была здесь форма для горничных. Одежда была бесплатной – два комплекта: на лето и на зиму. Старую одежду можно было забирать домой. Одеколон, мыло, еда – все за счет хозяев. Разрешено было пользоваться библиотекой, при желании классной комнатой, педагоги в определенные часы всегда были к услугам желающих. Утром повар, до того как заняться господским меню, обходил служебные комнаты и принимал индивидуальные заказы от слуг.

– А у господ что сегодня на обед? – любопытствовал кто-нибудь.

– Суп-бульон, фрикадельки, слоеные пирожки, пудинг с изюмом, на третье – компот из яблок с пирожным, – отвечал повар.

– Нет, это ни к чему, нажарьте нам картошки со свиной и щей наварите с пирогами...

~ 7 ~

У каждого был свой вкус!

Слугам разрешалось гулять по саду и лакомиться любыми фруктами, ягодами. Катюша сумела так насладиться любимыми сливами, что потом всю жизнь она их не переносила. Комнаты для горничных были на две персоны. При желании представлялась и отдельная комната с необходимой обстановкой. У кровати, на стене и на полу лежали коврики. Белье сдавали в стирку в прачечную. После закопченной избы Катюша чувствовала себя принцессой из сказки. Быстрая, ловкая, трудолюбивая хохотушка, она моментально освоилась с традициями, правилами, взаимоотношениями среди обитателей поместья. Строго соблюдалось время работы и отдыха. Раз в неделю (когда кому удобнее) предоставлялся свободный день, в который можно было навещать родных.

Обычно те, кому довелось поступить в это поместье на работу, оставались здесь навсегда, наживали средства, достаточные для безбедного существования всей семьи. Катюша всей душой привязалась к своей главной хозяйке Алисе Карловне, обладающей большим интеллектом, твердо уверенной в правоте своих убеждений, самоотверженно преданной семье, невольно подчиняющей знающих ее людей своей власти. Власть не деспотической, а разумной, материнской, поэтому ее все глубоко уважали и подчинялись с удовольствием.

– Не трудна для тебя работа, Катя? – часто спрашивала хозяйка молоденькую горничную.

– Что вы, барыня, да разве я так дома работала? – улыбалась девушка. – Мне, наоборот, не хватает работы: я же быстро управляюсь. Дайте мне еще какое-нибудь занятие.

– Ну что ж, будешь помогать моей дочери Екатерине Павловне ухаживать за детьми, ведь у нее два мальчика. Зато положу тебе двойную зарплату.

Так Катюша без колебаний вошла в семью Дейнгардт. И... стала там полной хозяйкой. Она обожала добродушную Екатерину Павловну и двух чудесных мальчиков: задумчивого, тихого Павочку и озорника Юрку. Павочка страдал припадками, напоминающими сомнамбулизм. Ночами сбегались на его плач и крик из всех соседних комнат сестры и горничные. Мальчика лечили врачи из Пензы. Но безуспешно. Катюша же начала применять вместо лечения таблетками и микстурами свой «терапевтический метод»: бегала с мальчиками в саду и играла с ними во всевозможные игры. К вечеру уставшие дети засыпали крепким сном. Куда и исчезли нервные припадки у Павочки! Родители, Екатерина Павловна и Карл Антонович, были благодарны новой няне. В конце месяца пришла Катина мать получать заработанные дочерью деньги. Матрена Будорагина, да и сама Катя, были потрясены, получив сумму, равную стоимости лошади.

За время жизни в поместье Неклюдовка Пензенской губернии семью Кнорре дважды посетил (инкогнито) царь Николай II, после чего он пожаловал дворянину Павлу Карловичу фон Кнорре звание барона. В первое свое посещение он с большим интересом осматривал поместье. В приходежей его особенно поразило количество детских шапочек. Ему объяснили, что у хозяев фон Кнорре – 21 ребенок, да вдобавок живут здесь еще дети родственников.

Всех их Кнорре очень любили. Поэтому и царил в поместье необыкновенный порядок.

В девяностые годы Россия переживала подъем промышленности, связанный с усиленным строительством железных дорог. Промышленное развитие России увеличило приток иностранного капитала. Негативным моментом в развитии капитализма в России стал экономический кризис 1900–1903 гг., который развивался остро и болезненно. Начались народные недовольства, забастовки. Позже появился в России вождем революционного народного движения В.И. Ленин. В народ был брошен лозунг: «Грабь награбленное!» Во время бури, находясь в чаще леса, ощущаешь тишину, но, подняв голову вверх, видишь, как там бьются, качаясь, верхушки деревьев. И только тогда понимаешь, что творится в природе. Так было и в Неклюдовке – тихо и спокойно, хотя в стране уже вовсю бушевали страсти. Павел Карлович был владельцем огромного поместья с лесом, садом, домом... Его знаменитую «антоновку» знали не только в Пензенской губернии, но и по всей России. Труд людей, занятых на сельскохозяйственных работах в поместье Неклюдовка, хорошо оплачивался. Уважительное отношение к людям имело огромное значение: люди плодотворно трудились и были довольны оплатой, в то время как соседние помещики откупались вином и водкой, спаивая крестьян. Семья же ничего не получала от пьяного отца или мужа. Кроме того, оплату старались всячески ужать, удержать за недоимки, мнимый брак в работе и т.д. В результате в 1917 году крестьяне жестоко расправились с такими хозяевами. Ночами небо грозно полыхало багровым заревом – это горели усадьбы неугодных помещиков. Поместье Неклюдовка стояло как жемчужина среди разбитых камней. Его охранял сам народ.

Пятилетний Женя, сладко зевая, открыл глазки. Как светло! Солнышко! Какая радость: сегодня они пойдут на охоту, потому что вчера папа подарил ему, Маженьке и Воробке (это сестры Маши – дети) по ружью!

Вошла няня, одела старших детей, подошла с рубашкой к Жене.

– Я не хочу белую рубашку! – запротестовал он. – Унеси ее, я надену охотничий костюм.

– Да пойми ты, Женечка, мы идем сейчас не в лес, а за стол. В охотничьем костюме никак нельзя за стол, это неприлично, накажут и тебя и меня, – убеждала няня.

– А я так хочу! Убери рубашку, дай костюм, – исходил криком Женя, а затем с размаху ударил няню по лицу!

Дверь в коридор была открыта, на пороге стоял отец и наблюдал за происходящим. Он был противником всяких наказаний, а тем более физических расправ, но теперь не выдержал. Схватил Женечку за руку, отшлепал, приговаривая: «Запомни на всю жизнь: нельзя поднимать руку на женщину! Как ты посмел обидеть свою няню, которая так заботится о тебе!»

Нянечка заплакала, стала оправдывать мальчика. Павел Карлович оставался до тех пор, пока Женя не попросил прощения и не поцеловал няню руку.

После завтрака вся семья – братья, сестры родные и двоюродные, гостившие знакомые – отправилась в сад помогать садовнику. Так было заведено. Два часа работы в саду, потом занятия в классных комнатах, уроки музыки. Взрослые занимались своим делом. После обеда гуляли в лесу, купались в Суре, ловили рыбу, ходили на охоту, дети

забавлялись с четырехногими друзьями – собаками, осликами, пони. В дождливые или холодные дни обычно былолюдно в домашней библиотеке, где было всё: от сказок до философских трудов. Все русские и зарубежные классики: Теккерей, Пушкин и Байрон, Лев Толстой и Диккенс. Женя плакал, когда ему читали Сетон-Томпсона. Мальчик любил животных и птиц. Он в 5 лет уже знал названия всех населяющих пензенские леса пернатых. Однажды подобрали аиста с поврежденным крылом, который быстро освоился и бегал на прогулки в лес вместе с детьми. Раны на крыле зажили, а птица продолжала жить в Неклюдовке. «Журка летит!» – кричали дети, прячась от огромной летящей на них птицы, которая словно заигрывала с ними

Раз кто-то принес из леса зайчонка. Его отнесли в большой зал, где лежал огромный зимний ковер. Зайчонок, видимо, решил, что это полянка, заросшая травой, и стал бегать. Дети хохотали, глядя, как он носится кругами.

Вечерами в Неклюдовке слышалась музыка. Частенько из открытых окон лились чарующие звуки Шопена, Бетховена, Штрауса. Сестра Ольга после окончания Пензенской гимназии училась в Московском музыкальном училище. Ее преподаватель, композитор Калинин, был в восторге от своей ученицы и всегда предлагал Оле проиграть ее новые произведения.

Маленький Женя, обладая хорошим музыкальным слухом, любил, затаив дыхание, слушать игру сестры. Ему нравились произведения Листа, Брамса, «Лунная соната» Бетховена. Когда Жене исполнилось 6 лет, сестра стала заниматься с ним музыкой. Она много рассказывала о жизни в Москве, о своем училище, о встречах с Обуховой,

которая занималась вокалом там же. Изредка в училище бывал Федор Шаляпин.

Сестры Лена, Маша и Анна отлично владели игрой на арфе, древнем инструменте мифических богов. Сестра Вера обладала прекрасным сопрано, так что домашние концерты отличались большим профессионализмом.

Летним днем с матерью и своей любимой воспитательницей, сестрой Анной, Женя был в Пензе. Алиса Карловна и Анна ездили приводить в порядок недавно купленный дом на Дворянской улице. Отец Павел Карлович захотел иметь в Пензе собственное жилище: дети учатся здесь, а живут на квартирах. Это непорядок. Сын Павлушка заразился туберкулезом от хозяев квартиры. Красивый 19-летний юноша тяжело заболел, родные не могли понять, что с ним, пока пензенские профессора не поставили страшный диагноз. Алиса Карловна и Павел Карлович были в отчаянии, что поздно догадались приобрести собственное жилье в Пензе. Купленный дом прекрасно смотрелся: трехэтажный с лепными украшениями, балконами и верандами, с отличным садом и надворными постройками, окруженный узорчатой чугунной оградой.

Оглядев внутреннюю отделку дома, Анна с матерью и Женей пошли прогуляться по городу, заходя в магазины. Женя, крепко держась за руку сестры, с интересом разглядывал прилавки, и вдруг его сердечко замерло: какой то дядька рассматривал книгу, иллюстрированную цветными картинками с птицами.

– Купите книгу! Там птички! Купите! – Женя умоляюще смотрел на Анну и мать. Алиса Карловна взяла в руки книгу.

– Мама, это Альфред Брем «Жизнь животных», раздел птиц, – подсказала Анна.

– Книга полезная, но у нас сейчас большие расходы с новым домом, а она стоит 24 рубля. Такая покупка невозможна в данный момент.

Мать положила книгу на прилавок. Раздался протестующий вопль! Анна наклонилась к ревущему мальчику.

– Ну, тише, тише, скоро твой день рождения, мы все, твои сестра и братья, сложимся и подарим тебе книгу.

Так оно и было: в день рождения Жене подарили четыре роскошных тома «Жизни животных» А. Брема. Эти книги и сейчас, спустя 90 лет, целы.

...В Неклюдовке у подъезда их встречала улыбающаяся сноха Эрна Марковна Нахман-Кнорре, любимица и доверенное лицо Алисы Карловны. Израильтянка, завоевавшая глубокое уважение всех обитателей поместья и находящаяся на равном положении с дочерью Анной. Эрна поцеловала Женю и шепнула на ухо: «Видишь, я в фартучке? Приготовила вместе с поваром твое любимое ягодное мороженое».

Однажды после очередного бала отец позвал Ольгу к себе в кабинет. С кресла поднялся молодой, приятной наружности человек.

– Вот, Олечка, Сергей Дмитриевич Хованский делает тебе предложение, что мне ему ответить?» Ольга рассмеялась, поблагодарила князя и обещала остаться его другом навсегда. О замужестве она не задумывалась, поскольку

решила продолжать свое образование. На следующий день, согласовав с отцом все вопросы и получив от него благословение и письма к родственникам, Ольга отправилась в Германию. Жить устроилась у любимой тетки Ольги фон Кнорре в Маронфельде, где она часто бывала в детстве. В Берлине было много родных, так что скучать не было времени, а поступив на высшие курсы сельскохозяйственного учебного заведения, на отделение по садоводству, Ольга вообще вся ушла в учебу. Через несколько лет девушка вернулась с дипломом ученого агронома-садовода и занялась своим садом в Неклюдовке. Сестра Анна окончила бухгалтерские курсы и помогала отцу в финансовых делах.

Все дети Павла Карловича получали хорошее образование. Лесоводом был младший брат Алисы Карловны – Алексей Карлович Тюрмер. Молодой человек, как-то расхаживая при луне вокруг клумбы с розами, поймал за кружевной фартучек горничную Устюшу, голубоглазую деревенскую красавицу. Та оттолкнула барина «по всем правилам приличия» и нашла защиту у старшей горничной – на счет любви здесь тоже были свои правила. Лишиться такой работы, как это «золотое дно», боялись как огня. Любовь разрешалась, но только та, что вела к алтарю. Алексей Карлович вздыхал на луну, гонялся за Устюшкиной тенью, страдал, страдал да и поехал в лесную деревню, где люди жили в глуши, не ведая цивилизации. Летом работали, зимой сидели на печи, грызли семечки да щелкали каленые орехи. Привезя Устюшкину мать в Неклюдовку, Алексей Карлович сыграл-таки свадьбу с согласия сестры Алисы Карловны и Павла Карловича. Молодая чета, Алексей Карлович и Устинья Кузьминична, счастливо зажила.

Судьба даровала им долгую жизнь и прекрасных детей: сына Бориса и дочь Танюшу.

Привез свою семью в родной дом и один из старших братьев, Владимир Павлович, инженер-строитель железнодорожных мостов. Шло интенсивное строительство железнодорожных мостов в Сибири, Владимир Павлович часто и подолгу жил на строительных объектах, поэтому решил, что целесообразнее и удобнее семье находиться в его родном доме, у родителей. Поцеловав супругу Алидию Антонову и сынишку, пятилетнего Борю, Владимир Павлович умчался в Сибирь. Красивая, в каштановых кудрях, Алидочка вызывала у прислуги повышенный интерес из-за нарушений традиций дома. Между мамой Алидой и сыном бесконечно возникали конфликты. Нередко слышались звуки борьбы, пыхтение, шлепки, перерастающие в дикие крики, рев. Распахивались двери, и по коридору волокли вопящего мальчишку и помещали в клозете. «Пленник» бил в дверь ногами, кулачками и орал на весь дом. Кто-то из прислуги бегал на разведку и подробно информировал обо всем происходящем собравшихся на шум слуг. В конце концов Павел Карлович запретил такое «воспитание».

— Алидочка, — сообщил он, — скоро приезжает Володя, и вам будет приятнее и удобнее иметь не одну, а две смежные комнаты, для вас и отдельно детскую комнату. Алидочка была в восторге, хлопотала, обставляя новую, как она говорила, квартиру. Мальчику предоставили специальную няню, добрую уравновешенную Любашу, которая и поселилась в детской с Борей, откуда все чаще раздавался веселый смех ребенка.

...Алиса Карловна соблюдала праздники все: и лютеранские, и православные. Священники были в доме и те, и другие. Перед великим постом врач производил медицинский осмотр всех слуг, населяющих поместье, и давал свое заключение тем, кому можно соблюдать великий пост без вреда для здоровья. Горничной Нюсе, наоборот, назначена была усиленная диета с добавлением жиров, сливок и печени, что она и получала. Анна Павловна имела призвание к медицине, а не к бухгалтерии, но так получилось, что она была только фельдшером, «правой рукой» врача. Из всех соседних деревень привозили к ней больных. Конечно, лечила она бесплатно. Тяжело больных, с неясным диагнозом, показывала врачу, когда тот раз в месяц, по плану, посещал Неклюдовку.

Все сорок дней в доме пахло постным маслом. Жарили, парили, варили все вкусно. Пекли пироги с грибами, рыбой. Готовили пудинги с калиной и медом. Священники служили молебен в пристроенной часовне. И вот наступала Пасха. В большой столовой и малой детской столы накрывали розовыми скатертями, уставляли куличами величиной с ведро, «бабками», в которых было по сто яиц, сырными пасхами из творога, крашеными яйцами, колбасами, ароматными окороками. В бутылках искрились дорогие вина, из оранжереи садовник приносил чудесные розы, которые расставляли в хрустальные вазы. Все выходили к столу в новых одеждах. Кругом звучало «Христос воскресе», «во истину воскресе». Слуги, как было положено в этот день, целовались с господами. Женя со своими сверстниками бегал с крашеными яйцами перед домом, играл с ними в «катанье». Всю неделю праздновали Пасху. С поздравле-

нием приезжали гости, в том числе родня. Было шумно и весело. Устраивали балы, на которые приглашали офицеров и военный оркестр. Лакей Петр рассказывал о нечаянно подслушанном разговоре в вестибюле, где полковник князь Лихарев Михаил Николаевич читал нотации молодым офицерам:

– Хозяин – барон фон Кнорре Павел Карлович – человек строгих правил, будьте пристойны и вежливы, вин много, но Боже вас упаси напиться допьяна!

Молодежь веселилась, танцевала, влюблялась. А в итоге сестра Лена вышла замуж за генерала Смирнова. Маша – за капитана Ричарда Михельсона, успев народить троих детей: Лену, Володю и Маженю, сверстников Жени, который доводился им дядей! Самым озорным был Володька, которого за что-то прозвали Воробкой.

За стол, на обед и ужин, сзывали гонгом. Горе было тому, кто не успел: до следующей трапезы ничего не получал. В такой большой семье расхлябанность была недопустима.

Восемнадцатилетний Артур – брат Лидочки – влетел в коридор с опозданием: долго купались на Суре.

– Эй, Тихон! Почисть мне, пожалуйста, обувь!

– Тихон и Артур, подойдите ко мне, – позвал их стоящий в дверях столовой Павел Карлович. – Тихон, вы свою работу выполнили? До которого часа работаете?

– До восьми часов.

– Сейчас ровно восемь. Спасибо, вы свободны.

Павел Карлович повернулся к Артуру.

– Самое главное – умение уважать людей и их труд, – с нотками назидания сказал он. – Ты опоздал. А поэтому послужи теперь себя сам.

– Олечка! Я, Анна и Женя отправляемся в Швейцарию. Ты с нами?

– Конечно, мама. А можно заехать в Италию, в Венецию? – оживилась дочь. Мать улыбнулась: «С возрастом твоя страсть к путешествиям не уменьшается».

Начались приготовления. Оля разбирала свой гардероб, выбирая самые модные расцветки нарядов. Подошла мать.

– Это все не годится, – раскритиковала она, – мы поедем одетыми так, как полагается в высшем обществе: в строгих черных или темно-синих английских костюмах.

Неделю спустя карета доставила путешественников на станцию Лунино. В Москве пересели на экспресс «Москва-Париж», заняв целых три купе первого класса, поскольку их сопровождала еще и горничная Глафира и няня Жени, которая проявляла ничуть не меньшее любопытство, чем ее подопечный.

В Париже было столько чудес! С вокзала до гостиницы они ехали не в обычной коляске, а на какой-то штуке, которая ехала сама по себе, без лошадей. Вместо кучера сидел дядя в шляпе и вертел колесо к большому восторгу Жени.

– Этот экипаж называется автомобиль, он едет на искусственном топливе и в животной тягловой силе не нуждается, – объясняла сестра Анна. В Париже они осмотрели

Эйфелеву башню, побывали в Лувре, в опере, а затем отправились в Италию, в Венецию, где любовались экзотической природой и старинными дворцами. Посетили и Рим, где увидели развалины древнего цирка. Магазины с шляпками и одеждой их мало интересовали. Анна и Ольга не были глупы, они много учились, много читали и жизнь понимали так, как учили родители. Они были строгими, честными, любящими и понимающими красоту и в природе, и в человеческой среде. Умели любоваться небесным сводом и в ясный день, и в грозу. Чувствовали величие соснового бора, восхищались трогательностью нежных цветков на лугу. Вспоминается, как однажды, после дождя, художник Исаак Левитан вышел из деревенской избы. Вечерело, дождь смыл пыль с листочков, и они блестели на деревьях в капельках воды. Ворота и плетень темнели, мокрые от дождя, вдаль темнел лес, было тихо, пахло мокрой травой, скошенным сеном, цветами. Тихо уходили грозные тучи, после жаркого дня было еще теплее. В ушедших темных тучах изредка сверкали зарницы, но над избой небо уже очистилось, было голубым, вдаль за лесом алела вечерняя заря. Эта грандиозная, ни с чем не сравнимая красота, покоряющая сердце и душу, проникающая в сознание художника, привела его в отчаянье:

— Я не могу выразить все это на полотне! И никто никогда не сможет! Это только дело всевышнего творца! — рыдал Левитан. Но все-таки его картина «После дождя», если взглянуть, вселяет эти чувства — ощущаешь и влажный воздух, пахнувший травами, и ушедшую грозу.

В семье Кнорре было много картин знаменитых художников, которые благотворно влияли на формирование эс-

тетических чувств. Поэтому в данный момент, посещая страны с древними культурными ценностями, девушкам было чем любоваться. В их семье говорили, кроме русского языка, на родном немецком, на французском и английском...

В Венеции, конечно, катались в гондолах по каналам, смотрели на величественные дворцы удивительной архитектуры.

В Италии путешественники купались в Средиземном море. Ольга хорошо плавала, но Женю так и не сумела научить этому, мальчик со страхом убегал от воды. Зато, увидев Швейцарию, малыш пришел в полный восторг. В долине, заросшей мягкой яркой зеленой травой, паслись коровы, белые домики, чистые, с красными крышами, были словно с картинки. Местные фермеры охотно сдавали жилье приезжим отдыхающим. Семья Кнорре поселилась в одном из таких домиков. Отдохнувшие путешественники утром, выйдя на улицу, восхищались яркой красотой далеких синих гор со снежными вершушками. В долине же было тепло, яркая зелень и голубое небо наполняли сердце радостью.

Женя быстро приобрел друзей своего возраста, говорящих на немецком языке, и был доволен и счастлив. Через два дня из Цюриха приехал Павел Карлович с дочерью Леной, которая недавно похоронила мужа — генерала Смирнова — и была еще в трауре. Вместе с отцом привезли на консультацию в Цюрих брата Павлушу. Цюрихские профессора рекомендовали санаторий. Высоко в горах размещался целый городок для туберкулезных больных. Здесь были санаторий, больницы, гостиница для приезжих род-

ственников, здание для постоянного проживания, дома для медицинского персонала, для прислуги, аптека, почта, магазины.

Павлушу поместили в санаторий, где во всем царили порядок и идеальная чистота. Ольга, уже прощаясь с братом, подошла к окну.

– Боже мой! Павлуша, посмотри, как интересно: облака плывут на здание, а другие даже ниже гор, прямо у нас под ногами! – воскликнула девушка.

– Оленька, вероятно, и я скоро поплыву с ними, – печально молвил Павлуша...

В Пензу возвращались с тяжелым сердцем. Анна с Женей и няней Агашей остались в Швейцарии. Лена с горничной Глафирой поселились в горном санатории с Павлушей. В семье подозревали, что туберкулезная инфекция коснулась и других детей. К счастью, принятие срочных профилактических мер по совету цюрихских профессоров потушило «пожар» в самом начале.

Павел Карлович по новому распорядку поднимал всех детей в 8 часов утра. Все собиралась в гимнастическом зале. После занятий шли в душ, под ледяную воду. Следовал завтрак, а потом работали на свежем воздухе, занимались коньками, лыжами, конным спортом – всем тем, что было полезно для здоровья.

На дворе трещал мороз. Сосны и ели стояли под снежными шубами, дороги замело снегом, яблони в саду скрылись в сугробах. Прошли рождественские праздники, встретили Новый год. В теплых детских комнатах вечерами нянечки занимали детей сказками, где фигурировали персонажи из дремучих пензенских лесов. Были здесь, ко-

нечно, Баба Яга – костяная нога, голова сучком, нос крючком – и неизбежный персонаж всех сказок этих мест – Трендик – «лохматая рожа, глаза как у кошки, соломенные ножки, сафьяны сапожки»... Слушать сказки детям было и страшно, и интересно...

Весна пришла неожиданно рано, побежали ручьи, появились проталины. С грохотом вскрылась Сура. Когда появились робкие маленькие листочки на деревьях и полетели пестрые бабочки, из Швейцарии вернулись зимовавшие там Анна, Лена и румяный подросток Женя с няней. Вбежав радостно в дом, Женя бросился к матери, отцу и сестрам. Все его нежно целовали, но ребенок почувствовал атмосферу печали. Няня взяла его за руку и увела на детскую половину. К вечеру со станции Лунино привезли оцинкованный гроб, это «приехал» Павлуша. Красивый, добрый юноша, у кого жизнь только начиналась, лежал с изнуренным, страдальческим лицом. Стоявшие у гроба и родные, и знакомые думали об одном: «Несчастный мальчик! За что судьба так жестоко поступила с тобой!» И делалось страшно и неуютно, приходили в голову черные мысли.

Похоронили Павлушу на Пензенском кладбище, надели траур, Анна расставляла в вазы свежие розы в малой гостиной, здесь же сидел отец с газетой в руках. Зашелестела бумага, Анна увидела, как падает на ковер газета, подбежала к отцу... он был мертв.

На похоронах было море людей. Горе и ужас родных невозможно описать. Алиса Карловна просидела над телом мужа всю ночь, не произнесла ни слова. Мужественная женщина просталась с самым для нее дорогим человеком.

Похоронили Павла Карловича также на Пензенском кладбище.

Алиса Карловна, обладавшая огромной силой воли, в память о своем безгранично любимом муже не дала пропасть его трудам, взяв все управление имением в свои руки. Помогали ей дочери Анна и Ольга, брат Алексей, верные дворецкий Павел и экономка Наталья Николаевна. Весь уклад, все правила и традиции по-прежнему соблюдались неукоснительно строго. Так что доходы от имения не уменьшались, а продолжали расти. В помощь матери поселился и старший сын с семьей, женой Эрной и детьми, Наташей и Виктором. Алексей Павлович по образованию также был лесоводом. Самыми младшими в семье были Женечка и Ира с Валею. Им и уделялось больше внимания. Кроме няни воспитанием занималась гувернантка Мария Петровна Макарова (племянница знаменитого адмирала) – очень милая образованная девушка. Понемногу и новый дом «обживали» в Пензе. Кто-то учился, кто-то работал в городе. Но на традиционные праздники все съезжались в Неклюдовку.

Красавица Вера, похожая на Афродиту (так говорили знакомые), вышла замуж за дельца из Казани, Адама Андреевича Фауршоу. Он был богат, занимался сплавом леса на Волге. Надарил всем массу драгоценных украшений и увез из Неклюдовки красавицу Веру. Их первый ребенок, Боря, достигши трехлетнего возраста, тяжело заболел. Приехала в Казань Ольга и забрала больного племянника в Неклюдовку. Вместе с сестрой Анной его лечили, ухаживали с нежностью, и здоровье ребенка восстановилось. Через год Вера получила румяного, веселого и, главное, здо-

рового сына. Мальчик на всю жизнь сохранил теплые чувства к своей тете Оле. У Веры Павловны и Адама Андреевича, кроме Бори, родилась еще дочь Верочка.

Когда Жене было двенадцать лет, ему подарили настоящее двуствольное ружье. Оля взялась обучать брата не только игре на фортепьяно, но и охотничьему искусству, посчитав, что мальчик аккуратный, исполнительный и способный ученик. Они часто бродили с ружьями по лесу, но больше для безопасности: в лесах водились волки, лоси и другие опасные звери.

В один из пасмурных дней все находились в гостиной – кто-то занимался рукоделием, кто-то читал, рисовал. Маженька ходил от окна к окну и напевал себе под нос. Женя подошел к нему.

– Ты о чем мурлычешь? Сам насочинял?

– Я? Пожалуйста, слушай:

Вянет лист, проходит лето,
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться!

– Чепуха, – оценил Женя.

– Не люблю дурацких «произведений», – возмутилась Ира.

– И что за выдуманная фамилия, таких не бывает, подала голос Валя.

Вошел в гостиную лакей Петр и подал Анне визитные карточки.

– К нам гости, – прочитала она, – полковник Михаил Николаевич Лихарев и юнкер Григорий Маркович Шмидт...

Всю ночь шел дождь, Ольга спала и видела какие-то необычные сны: с цветами она стоит перед ореховым деревом, к которому прикован большой медведь, он срывает цепь и, волоча по земле, идет к ней, за ним бегут два медвежонка. Утром Ольга пошла к старой Наталье Николаевне. Та долго думала.

– Знаешь, Олечка, видно, твой суженый к тебе идет. А цепь? Может, женат, разведенный или вдовец? Медвежата – дети. Может, и у тебя будут.

С пришедшей почтой получили из Казани письмо. Вера писала, что скучает по родному дому, но ехать с двумя маленькими детьми не решается.

– Оля, ты еще не разлюбила путешествовать? – поинтересовалась Алиса Карловна.

– Я как раз хотела предложить свои услуги.

Лакей Петр проводил Ольгу Павловну до Сызрани, занес вещи в каюту первого класса и распрощался с госпожой. И Ольга понеслась по волжским волнам навстречу своей судьбе...

Андрей Петрович отодвинул свою тарелку и с журнального столика взял из свежей почты журнал «Искра». В статье описывался эпизод из жизни знаменитого лесовода К.Ф. Тюрмера.

– Я восхищаюсь этим человеком, сделавшим столько полезного для русского лесоводства и вырастившим так много леса. Вы, конечно, слышали о нем?

Ольга осторожно вилочкой отодвинула журнал и засмеялась: «Еще бы, это же мой родной дедушка, отец моей матери».

«В ресторане за обедом познакомилась с приятным респектабельным господином. Мне еще никогда и никто так не нравился, – думала Ольга, собираясь лечь в постель. – Но он не мальчик, быть может, женат давно?»

Господин в своей каюте раздумывал о новой знакомой: «Что-то удивительное есть в этой девушке. Смотрит на мир широко открытыми бесхитростными глазами, такая никогда не обманет, не слукавит, какое-то благородство и вместе с тем простота чувствуются во всем ее облике. Странно, я таких еще в жизни не встречал. Интересно, кто она по социальному положению? Одета строго, в белую кофточку и темно-синий костюм». С этими мыслями он уснул.

Белый пароход шел по Волге, рассекая волны и оставляя за собой пенистый след. В лучах солнца брызги разлетались алмазами. Вдали левый берег расстился зелеными полями и далекими горизонтами, правая сторона была гористая, заросшая лесом, часто заселена селами и городами. Вечерами жители населенных пунктов выходили прогуляться к берегу Волги. Слышны были голоса, смех, пенье, звучала гармонь. Кто-то посылал привет пассажирам проходящего парохода, помахивая платочком. Любуясь пейзажами, Ольга Павловна и Андрей Петрович Саввин (так представился вчерашний знакомый) стояли на палубе, они давно уже выяснили, кто есть кто. Андрей Петрович – сирота из бедных крестьян. Но Бог дал ему способности, огромное желание учиться. Суровое воспитание деда и ба-

бушки сформировало в нем такие качества, как честь, совесть, желание помочь ближнему. Андрей Петрович закончил лесной институт. Был директором лесного хозяйства г. Вольска. От Саратовского губернского управления он ехал в Казань, в управление, по вопросу сплава леса. Заведующий лесосплавом был Фауршоу Адам Андреевич.

– Какое совпадение! – воскликнула Ольга. – Мы встретимся в Казани! Ведь я еду к сестре Вере Павловне Фауршоу! По происхождению Адам Андреевич – датчанин из Копенгагена.

Ольга узнала также, что Андрей Петрович был женат, жена умерла 5 лет назад.

На следующий вечер Андрей Петрович вносил чемоданы Ольги Павловны в квартиру Фауршоу.

– Мой жених, Андрей Петрович Саввин, – представила Ольга. – Приглашаем в Пензу на свадьбу в ноябре.

На обратном пути ехали веселой компанией. Вносили шум и оживление дети Веры Павловны – Боря и Верочка. Да и взрослые не страдали от недостатка юмора.

В Неклюдовке Андрей Петрович познакомился со всем населением поместья. Пожав руку Алисе Карловне, Андрей Петрович сразу посчитал ее богиней. В этой женщине его восхищало все: удивительная доброжелательность, простота в общении, душевное тепло. В доме жило много семейных групп, но почему-то здесь никогда не возникало никаких конфликтов. Не было завистников, не чувствовалось в отношениях ни корысти, ни стяжательства, не было недовольств в семье. Поражало Андрея Петровича умение вести хозяйство. Лес в образцовом порядке – с аккуратно прорубленными просеками, убраным валежником. Вели-

колепный сад. Роскошные клумбы перед домом. И кругом идеальная чистота. Удивляло и царящее в доме взаимоотношение слуг и господ – уважение и корректность. Так заведено было Павлом Карловичем, так оно и продолжалось.

В ноябре состоялась свадьба. Венчались молодые в Пензенском соборе. Невеста – баронесса Ольга Павловна фон Кнорре, жених – крестьянский сын Андрей Петрович Саввин. После венчания в честь жениха свадьба завершилась в Неклюдовке грандиозной охотой. Съехались все помещики губернии. Был здесь и полковник Лихарев, князь Михаил Николаевич с супругой Еленой Оттовной и двумя сыновьями, Сашей и Колей (вскоре появился третий – Федя). Были из Москвы Шпейеры. Охотничьи трофеи жарились, парились, варились, коптились на кухне. Повар особенно хорошо приготовил блюдо из лосятины – трофея, добытого Андреем Петровичем. Впоследствии голова лося с громадными рогами красовалась над его письменным столом...

Женя загрустил, проводив сестру Олю, один печально играл «Лунную сонату». Но пора было возвращаться в Пензу, каникулы закончились, в гимназии начались занятия.

Летом 1917 года в свое родовое гнездо начали слетаться дети Алисы Карловны. Первой приехала с детьми жительница Казани Вера, из Коломны прибыл сын, инженер Володя, с Алидой, Борей и новорожденным Женей. Из Пензы

на все лето вернулась семья Тюрмеров, из Москвы наехали Шпейеры. Екатерина с Павочкой и Юрой жили здесь постоянно, так же, как Лена, Маша, Ира и Валя. Женя с сестрами Ирой и Валей, закончив занятия в Пензе, приехали домой на каникулы. Встречали гостей цветами. Всюду стояли чудесные красные, белые, розовые розы, пионы, левкой. На кухне царило оживление: стучали ножи, неслись приятные запахи жаркого, ванильных тортов. Давно не было такого большого количества гостей! Ольга приехала последней – с двухлетней дочкой Галей, краснощеким кукленком в черных кудрях. Воспитывали ее по-спартански. Ольга разрешала ей бегать одной по саду, есть, что пожелает, и шлепать босыми ножками по лужам. Присматривала за ней по приказу Алисы Карловны Катюша, недавно вернувшаяся с Екатериной Павловной и мальчиками из Москвы. 15-летний Женя тянулся к взрослому обществу: там шли оживленные разговоры о делах в стране. За столом опять собиралось большое общество со свежей информацией – по 50–60 человек. Никто не догадывался, что это последняя встреча в родном гнезде. Разговоры велись тревожные, хотя гости и не очень были уверены, что «буря» свершится. Говорили о забастовках в городах, о грабежах, драках, народных волнениях, поджогах. Впервые Женя задумался о политике, о государственном строе. За столом много говорили о социализме, социалистах-утопистах, демократах, о частной экономической деятельности, которая будет заменена государственной... Шла речь и о трудах Карла Маркса.

– У нас в библиотеке есть труды Маркса, папа часто его читал, – заметила сестра Анна. Любитель лошадей и

ипподрома Ричард захохотал и процитировал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма!» Заговорили о вожде революционного движения в России В. Ленине.

– Что-то стало неуютно в России. С вашего разрешения, Алиса Карловна, я увезу свою семью в Германию, и в случае вашего желания мой дом – ваш дом! – задумчиво подвел итог разговорам Карл Дейнгардт.

В августе начали разъезжаться. Первыми проводили семью Дейнгардт. Екатерина Павловна с мальчиками Павочкой и Юрой, прощаясь, плакали. Проводили Веру с детьми в Казань, Владимира Павловича с семьей в Москву вместе со Шпейерами. Остальные отправились в пензенский дом.

– Катюша, перестань плакать, – Алиса Карловна взяла девочку за руку. – Расскажи, что тебя так волнует?

Катя вытерла слезы.

– Я люблю Екатерину Павловну и мальчиков, мне жаль, я не смогу без них жить, никогда не вернусь в деревню. А говорят, вы скоро многих будете увольнять?

– Да, Катюша. Такие времена настали, не от меня это зависит. А если ты плачешь о доброй хозяйке, то я укажу тебе еще добрее: посмотри-ка внимательно! Катя долго вглядывалась в лицо Алисы Карловны.

– Это вы говорите об Ольге Павловне? – с замиранием сердца спросила она.

– Да, – и Алиса Карловна пошла в свои комнаты.

На другой день экипаж, запряженный парой лошадей, с кучером и лакеем ожидал выхода господ. Провожали Ольгу Павловну с дочкой Галей на руках у няни Катюши. Проводив сестру, Женя прошелся по пустому дому. Ко-

нечно, здесь еще жили Лена, Анна, Маша, мать, но на зиму и они собирались в Пензу. Сердце щемило, предчувствуя недоброе.

Начались осенние дожди. Птицы покинули сад. Вечером собралась оставшиеся обитатели Неклюдовки в большом зале на семейный совет. Здесь были: Анна, Лена, Маша – дочери Алисы Карловны, муж Маши – Ричард Михельсон. Сын Алексей с женой Эрной, брат Алексей Карлович с супругой Устиньей Васильевной, приехавшие из Пензы. Был и самый младший Женя, пропустивший занятия в гимназии. Ира, Валя, Маженья, Володя и другие находились в Пензе. Первое слово взял Ричард Михельсон.

– Я считаю, что следует срочно ликвидировать имение и всем перебраться за рубеж. На это средств хватит!

Согласились с ним Алексей Павлович и его жена Эрна. Кто-то считал разумным предложение, кто-то робко возражал...

Тогда взяла слово Алиса Карловна: «Ричард, – сказала она, – если логично рассуждать, вы совершенно правы. Но ведь человек живет не только умом, но еще и сердцем, душой. Я выросла в русской лесной деревне, люблю здесь каждую травинку, здесь я встретила и полюбила вашего отца, моего дорогого Павла Карловича, здесь его могила. Мы все любим свою родоначальницу Германию и, конечно, счастливы были бы вернуться туда, но... ведь здесь тоже родина, которую мы полюбили всей душой. Сейчас родина в беде, я лично останусь здесь до конца дней своих, а вы вправе сами выбирать свою дальнейшую судьбу. Здесь же Алиса Карловна разделила все имущество. Были приглашены все слуги, дворецкий Павел (после смерти Павла

Карловича он так и не обрел вновь свою былую уверенность. Поэтому распоряжалась экономка Наталья Николаевна). Конечно, для них было сушей трагедией расставаться с хозяйкой. Многие плакали. Богатые подарки, деньги компенсировали как-то душевное горе.

25 октября 1917 года прогремела революция, сметая на своем пути всё и всех. Был провозглашен лозунг – «Грабь награбленное». Жгли богатые поместья, убивали помещиков, купцов и просто зажиточных людей. Бились насмерть красная и белая армии. Стоял стон, лилась кровь. В стране царили беспредел и голод. Масса бездомных сирот, оборванных и голодных, бродили по стране. У революционного правительства не было времени думать о детях.

Семья Кнорре жила в Пензе на Дворянской улице в собственном доме на третьем этаже. Дом конфисковали, оставив несколько комнат. Наступила холодная и голодная зима. Шел уже 1918 год. Продукты постепенно начали исчезать. Анна Павловна работала бухгалтером, Ира, окончив гимназию, вышла замуж за Николая Алексеевича Барсова, веселого, жизнерадостного человека, «набитого» до отказа анекдотами, шутками и прибаутками. Ира уехала с ним, увезя с собой сестру Валю, с которой они были неразлучны.

Ричард служил на ипподроме. Дети их с Машей все разъехались: кто в армию, кто отправился по совету отца за рубеж.

Тюрмеры – Алексей Карлович с Устюшей – жили в дружбе и любви. Давно уж Устюшка, деревенская красивая девочка-горничная, превратилась в солидную деловую даму Устинью Васильевну. Она никого и ничего не боя-

лась, главным для нее был личный интерес. Ее дети Борис и Татьяна со временем получили высшее образование, так что в семье было все в порядке.

Алиса Карловна жила в отдельной квартире из трех комнат с Анной, Леной и Женей.

Анна Павловна была на работе, Лена отправилась по магазинам, Женя сидел за уроками. Мать стояла у окна. О чем она думала, Женя даже представить боялся. В дверь постучали. Женя открыл дверь. Заиндевелившие фигуры в тулупах ввалились в комнату.

– О! Наконец-то нашли! – Люди сняли шапки, подошли к Алисе Карловне, поклонились.

– Барыня, говорят, тут в Пензе голодают, вот мы всем селом решили помочь вам. Пригнали двух коров. Там во дворе в сарай поставили. И сено сложили. Елена Павловна вернулась с корзинкой из магазина и увидела плачущую мать (она видела это первый раз в жизни!).

– Лена, они говорят, что наш дом в Неклюдовке и даже все вещи в нем – все цело, – вытирала слезы женщина, дом заперт и охраняется, в любое время нас ждут обратно.

– Большое спасибо! Если бы все зависело только от наших желаний, давно бы там были! – вздохнула Лена.

Этот случай навсегда остался в памяти семьи Кнорре.

Весенним днем Алиса Карловна, идя по коридору, упала. Врач поставил диагноз: инсульт. Паралич с потерей речи. Спустя неделю появились «гости»: наряд милиции для ареста капиталистки, враждебного элемента, Кнорре Алисы Карловны. Грубо объявили:

– Пусть собирается, ее место в тюрьме. Приказ Губчека.

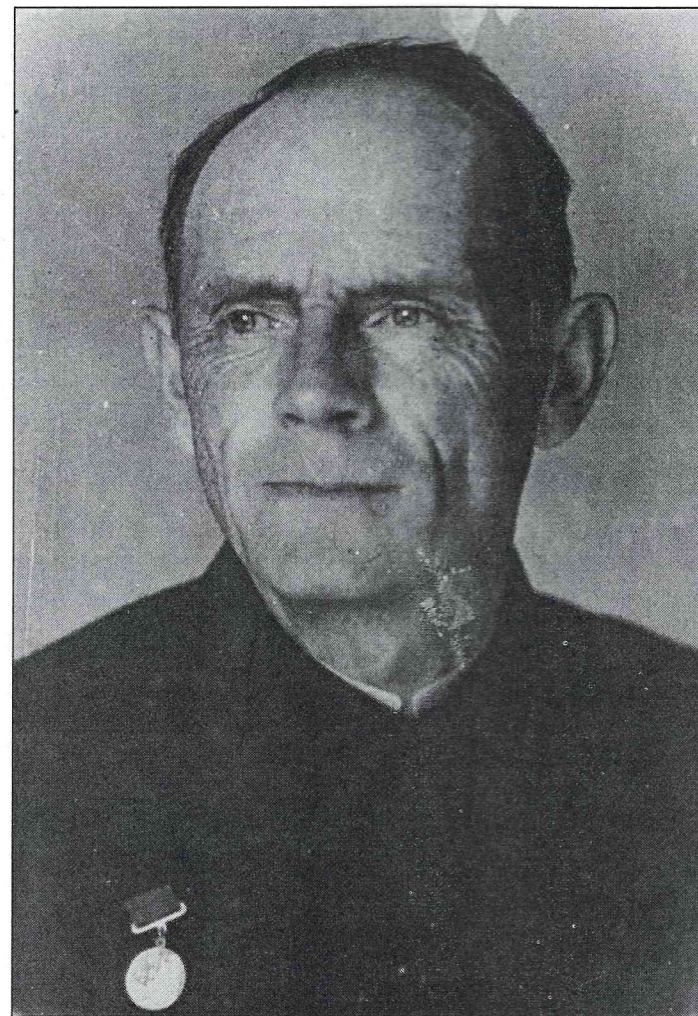
Барон фон Кнорре Павел Карлович,
Кнорре-Тюрмер Алиса Карловна

Евгений Павлович Кнорре и Елена Константиновна Кнорре

Евгений Павлович с дочерью Леночкой. Бузулукский бор

Евгений Павлович Кнорре (1955 г.)

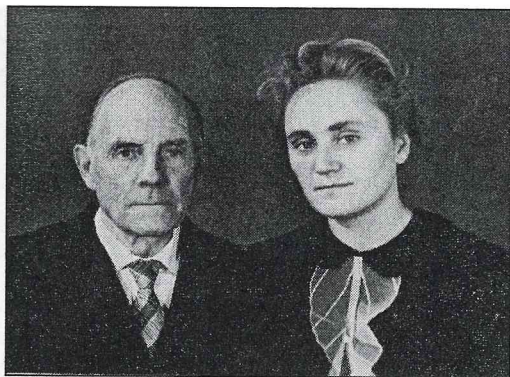
Воскресенские Галина Андреевна и Наталья Борисовна

Тренировка вьючного лося.
Печоро-Илычский заповедник, 1955 г.
(Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского)

Перевозка груза на лосях.
Печоро-Илычский заповедник
(Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского)

Евгений Павлович Кнорре
и Эльвира Николаевна Кудрявцева (Лебедева), 1967 г.

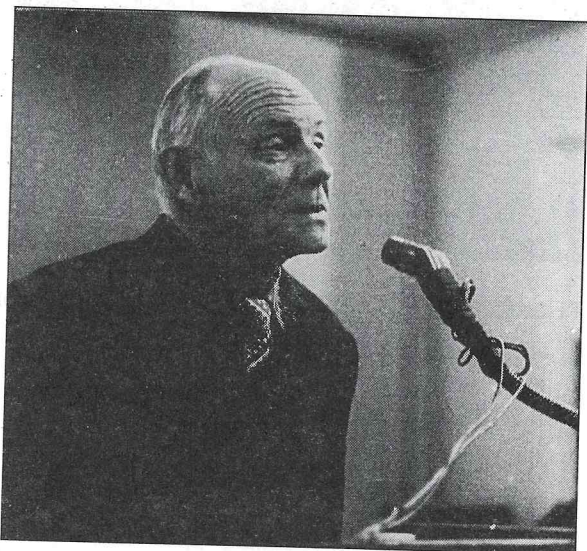
Елена Константиновна и Евгений Павлович Кнорре.
Раифа, Волжско-Камский заповедник

Евгений Павлович Кнорре и Михаил Вениаминович Кожухов.
Зеленодольск, август 1969 г.

Елена Константиновна Кнорре, Евгений Павлович Кнорре
(1972 г.)

Евгений Павлович Кнорре (20.02.1986 г.)

- Она больна, – встревожились дочери.
- Знаем мы ваши болезни! Прячешься?

Отстранив женщин, громко топя ногами, прошли в комнату, где на кровати лежала Алиса Карловна, пожилая симпатичная женщина. Она смотрела на пришедших, но взгляд был словно из другого мира. Один из патрульных вздрогнул, другой потянулся и снял шапку. Тихо, на цыпочках, вышли из квартиры. Кто-то догадался сказать: «Извините».

В это же время в Вольском лесничестве в доме главного лесовода Саввина Андрея Петровича его супруга Ольга Павловна получила письмо из Москвы с сургучными печатями. С удивлением вскрыв конверт, нашла приглашение вернуться в свое бывшее поместье в качестве директора на государственную службу. Письмо было собственноручно подписано Владимиром Ильичом Лениным. Однако Ольга Павловна в это время родила вторую дочь, Танюшу, и недавно перенесла «испанку», свирепствующую в то время по всей Европе.

В этот период Женя, видимо под впечатлением первой любви (появилось у него «воздушное существо», школьная подруга Таня), взялся за перо и начал изливать свои чувства на бумаге. Так и появился этот «Маленький король».

Маленький король

Давно, давно, а может и недавно,
Но в жизни было счастье и уют.
Ребенком был, жизнь шла так плавно.
Но и тебе судьба сулила кнут...

Да! Детство раннее все тот же сон,
Ты жил спокойно и счастливо.
Ты холода не чувствовал, не слышал вьюги стон,
И вокруг тебя все было так заботливо, красиво,
Ты жил как маленький король.
Все было для тебя: и ласка и услуга,
И ты не чувствовал страдание и боль.
Так сон твой, радостный, беспечный, лелеял,
баловал тебя.

Но кто-то в красном бессердечно
Толкнул, сказал: «Приди в себя!»
И сон исчез, его сменила быль.
И вот судьба, стерегшая тебя,
Вдруг закрутила в жизненную пыль
И в вихре понесла, бушуя и грозя...
Ты понял вдруг, что прошлое все ложь!
И сон счастливый и беспечный
Теперь вселяет в душу дрожь
Перед ницетою духа вечной...
И точно в сумерках, порой,
Мерцают где-то вдалеке
Твои счастливые обманчивые сны.
В туманной юности они померкли
И превратились в будничные дни.

После окончания Пензенской гимназии, естественно,
встал вопрос: куда дальше?

– Анечка! Я скучаю по лесу, по природе, в городах
людно, пыльно и душно... – Женя вопросительно смотрел
на свою любимую воспитательницу сестру Анну.

~ 36 ~

– Господи! Да, конечно, Женечка, тебе прямой путь в
лесной институт. И будешь лесничим.

Все эти тяжелые годы сестры Ольга и Вера активно по-
могали Анне содержать и учить Женю и опекать нераба-
тающую Лену. Несколько раз Андрей Петрович привозил
на лошадях запасы консервированных продуктов. Вот и
теперь в письме из Казани Вера писала, что ждет Женю,
пора ему переселяться к ней. Комнатка для него готова.

Пароход прибыл в Казань утром. Стоя на палубе, Женя
всматривался в раскинувшийся в котловане огромный го-
род с массивными каменными постройками, причудливой
архитектурой. Возвышались древние башни и минареты.
Кругом много воды, как ему показалось, – заливы, проли-
вы, озера. «Что город этот мне готовит?», – пропел про се-
бя, перефразировав арию Ленского, Женя. На пристани
стояла Вера с Верочкой и Борей. Квартира у Фауршоу бы-
ла просторная, шестикомнатная, в двухэтажном доме.
Прислуга Маша оказалась старой знакомой: горничная из
Неклюдовки. Порядок в доме был заведен Адамом Анд-
реевичем строгий. Боже упаси было явиться к столу неак-
куратно причесанным, не застегнутым на все пуговицы
или допустить еще какую-то небрежность. Это не было для
Жени проблемой: он был воспитан в таком духе. Поэтому
несколько дней он спокойно отдыхал, занимаясь в своей
комнате чтением книг, устройством жилища. А затем на-
чал знакомиться с городом. Посетил Казанский кремль,
полюбовался на башню Сююмбека, зашел в музей, город-
ской парк, стадион, где вечно пропадал Боря, кстати, ста-

~ 37 ~

дион, находящийся рядом с их домом, был виден из окна Жениной комнаты.

В университет на отделение лесного хозяйства Жене удалось поступить с большим трудом: принимались дети пролетариата, рабочие, крестьяне, а дворянским детям доступ был закрыт. Но эти же двери для него широко раскрылись, когда он дал прочитать биографию своего деда — Карла Францевича Тюрмера. Женя в течение года настолько завоевал доверие у педагогов, что получил полный доступ в научные лаборатории.

Появилось много друзей, но, как всегда, один особенно верный — сокурсник Леня, а точнее — Леонид Иванович Леонидов. Попав в первый раз к Жене в дом, он с первого взгляда влюбился в Веру Павловну, беззаветно и навсегда, себе на горе. Вера Павловна при ее красоте имела массу поклонников. Это ей, конечно, льстило, как и любой женщине, и забавляло, но на этом все и кончалось: она любила мужа и детей, была великолепная мать, преданная жена, воспитанная в честной, строгой, морально чистой семье. Адам Андреевич все это прекрасно знал и лишь посмеивался над влюбленными страдальцами. Леонид вздыхал, глядя на луну, звезды, и нечаянно увлекся астрономией. Набрал литературы, достал подзорную трубу, и во дворе дома Фауршоу появилась «обсерватория» под кустами цветущей сирени. Женя тут же представил другу биографию другого своего деда — Карла Христофоровича Кнорре, астронома, директора и создателя обсерватории в г. Николаеве.

Каникулы кончились. Женя сидел в своей комнате, вспоминал Пензу, свою первую любовь Таню, которая

давно изменила их любви и вышла замуж за немолодого дельца. Свои чувства Женя излил в стихотворении «Осень»:

Ветер выл, напевая уныло,
Дождь холодный стучался в окно,
А в душе что-то плакало, ныло,
Вспоминалось, что было давно.
Вспоминались забытые грезы,
Вспоминались забытые дни.
И капали крупные слезы
На увядшие грустно цветы,
В глазах зарождая огни.
Вставало перед памятью ясно
Ушедшее счастье судьбы,
И сердце просило напрасно
Поддержки у лгавшей мечты.
А осень плаксивая, злая,
Хотелось тепла и любви,
В груди что-то жгло и томило,
А в окна стучались дожди.

Закончилась гражданская война. На смену ей пришло новое несчастье — засуха и прописавшийся по всей стране голод, уносивший тысячи человеческих жизней. Обстановка в стране требовала перехода к новой экономической политике. «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства», — сказал В.И. Ленин. НЭП был для народа спасением: открылись мелкие предприятия, появились товары массового потребления. Началось восстанавливаться сельское хозяйство — появились про-

дукты питания. Люди ожили. Жизнь начала входить в свое русло. В Пензе Женю встретили не только Маша и Анна с Леной, но и гостящие там Ира с Валей и Ольга с детьми. Часть разместилась у Маши с Ричардом, часть – у Тюрмеров. Все радовались встрече и без конца вели разговоры об отсутствующих братьях и сестрах. Женя с Ольгой навещали знакомых, побывали на кладбище у отца с матерью и Павлуши. Ричард, как всегда, «угощал» скачками на ипподроме. Не обошлось и без происшествий. В квартиру постучались соседи.

– Ваши дети торгуют яблоками! – заявила одна из пришедших. Ольга Павловна в ужасе выбежала на балкон, где сидела Галя и что-то рисовала.

– Где Таня?

– Мама, она «открыла» магазин у ограды.

Женя и Ольга Павловна увидели «магазин». Дети собирали в государственном саду красные спелые яблоки. Шестилетняя Танечка, поставив весы на табуретке, взвешивала «товар» прохожим и передавала через ограду, получая взамен деньги! «Преступников» обезвредили и отправили под домашний арест.

...Возвращаясь в Казань, Женя стоял в очереди на Сызранской пристани. Глаза его остановились на девушке, искавшей кого-то в очереди. О чем-то спрашивая, она остановилась перед мужиком, сидящим на мешке с яблоками. Потом отошла и поравнялась с Женей. Симпатичный скромный паренек привлек внимание девушки.

– Вы кого-то ищете? – ответил улыбкой на ее любопытный взор Женя.

Она окинула взглядом очередь.

– Боюсь билета не достать!

Ему стало ее жаль: молодая, такая беспомощная, беззащитная.

– Я возьму вам билет, – успокоил он ее.

Билетов во второй класс не было, пришлось брать в третий класс. Каюта была переполнена пассажирами. До 12 часов ночи молодые люди сидели и разговаривали. Потом вышли на палубу. С дебаркадера кто-то крикнул «готово», и пароход, прощально прогудев, с пыхтением и лязгом стал отходить от берега. Огоньки на пристани делались все меньше и меньше. Женя и Маруся, так звали девушку, долго смотрели в речную даль. Был конец июля. В это время года ночи бывают тихие, темные, с ласковым теплым ветром.

– О чем вы задумались? – Маруся дотронулась до Жени.

– Любуюсь июльской ночью.

– Давайте присядем где-нибудь, – предложила девушка.

Около люка лежал какой-то инвентарь: сетки, парусина... Они сели.

– Иди ближе, – потянула его Маруся.

В темноте блестели её зовущие глаза. Женя подвинулся к ней, ощутив небывалый прилив чувств. Маруся оказалась в его объятиях. Их губы встретились...

Ночь. Темная Волга, катящая черные волны, далекие звезды в бархатном небе и двое юных в унисон бьющихся сердец!

...Время близилось к утру. Белая полоска на востоке стала шириться и алеть. Подул легкий ветерок, Женя пожегся и открыл глаза. С удивлением осмотрелся. Ночной «нимфы» не было. Она исчезла как волшебный сон! Из

каюты появились заспанные пассажиры. Пройдясь от кормы до первокласных кают, Женя так и не нашел своей волшебницы.

– Небось Маруську ищешь, – окликнул его мужик, ехавший с ними в каюте, – так она сошла еще в Ульяновске. Ты, парень, погляди, все ли у тебя в карманах цело, – посоветовал он и добавил: – А приедешь домой, ступай в больницу, не подцепил бы чего. А пока на вот тебе яблочко. За Пензой в бывшем поместье Неклюдовка рвал. Яблок там тьма, бери сколько хочешь. Мешок 10 копеек. А в Казани я его продам за 10 рублей.

Женя задумчиво грыз яблоко. Пошарил по карманам: денег, которых и без того мало было, не оказалось. Вот так беззащитная Маруся! Жене показалось, что он прикоснулся к чему-то очень грязному. На четвертый день, по приезде домой, Женя отправился в казанскую клинику. Принял его знакомый врач – хирург Домрачев. Женя подробно рассказал ему правду о своей волжской «сказке». После всех процедур, анализов и осмотров оказалось, что он здоров.

...В университете дела шли отлично. После окончания лесохозяйственного отделения Женя продолжал работу при университетской лаборатории, часто бывал в командировках в Боровой опытной станции.

Как-то после месячного отсутствия, возвращаясь домой, в трамвае встретил Лиду Мознякову.

– Где ты пропадал? – поздоровавшись, спросила девушка.

– Занимаюсь наукой. Приходится часто бывать в командировках.

– А нам без тебя, Женя, скучно, – вздохнула она. – Драмкружок распадается! И домашние тебя долго не видели. Приходи в гости!

– Непременно, – пообещал молодой человек.

Они расстались. Дорогой Женя не переставал думать о Лидочке. Красивая девушка. Они вместе учились, увлекались занятиями в драмкружке. Вера и мать Лиды – Лидия Петровна – дружили. Жене Лида нравилась, но однажды они поссорились из-за чепухи, Лидочка проявила характер, и все чувства молодого человека к ней сами по себе угасли.

Дома в полной темноте шел сеанс спиритизма. Вожденное стремление вступить в контакт с иными мирами завораживало домашних.

Потушили свет. Начался сеанс. В темноте влюбленный Леонид Иванович попытался обнять свою богиню, но получил такой толчок, что опрокинул стол и поранил Верке ногу. Визжала Маша, решив, что это действует грозный дух, Верка плакала. На шум спустился из своей комнаты Адам Андреевич. Занятие спиритизмом закончилось.

– Пора тебе возвращаться к звездам, – посоветовал на другой день Женя Леониду, гладившему на кровати кошку Юнону.

– Чем тебя встретила Казань? – поинтересовался тот.

– Пожелтевшими листьями, осенними хризантемами, – засмеялся Женя. – Да, в трамвае я встретил Лидочку Мознякову.

– Она прохода не давала мне своими вопросами о тебе, – засмеялся Леонид, – все спрашивала, когда ты вернешься?

Наступил новый 1928 год, а с ним рождественские праздники с елками, свечками, окороками и жареными гусями. Вера обратилась к Жене с просьбой передать записку Мозняковым о совместном праздновании. Женя согласился. Вот он вышел из дома. Яркое солнце, морозец, искрящийся снег поднимали настроение. Навстречу ему шла девушка.

— Женя, а я к вам от мамы с запиской для Веры Павловны, — воскликнула она.

Румяная с мороза незнакомка протянула записку. Встретив Женину руку, тоже с запиской, она громко расхохоталась. Засмеялся и Женя.

— Лена! — ахнул молодой человек. — А я и не узнал тебя: ведь ты была такая маленькая. Когда успела повзрослеть?

Девушка медленно подняла длинные черные ресницы и пристально посмотрела на Евгения. Ее ясные, темно-карие глаза, излучающие тепло и ласку, были удивительно красивы.

Невозмутимый Женя был потрясен. «Когда и где я мог видеть такое чудо? Если только во сне!»

В окно постучала Вера Павловна:

— Сколько можно стоять на морозе? Зайдите же в дом!

Прошли праздники. Женя вновь отправился в Бузулукский бор к птицам, лосям, могучим соснам и елям. Целыми днями с ружьем в руках или с записной книжкой колесил он по лесным чащам, наблюдая жизнь обитателей. Особенно интересовал молодого ученого лось. Он нередко задавался вопросом о том, как этот красавец-великан выжи-

вает в условиях растущей численности населенных мест, когда охотников добыть его становится все больше.

Появилась мечта приручить доверчивое животное, заставить его служить человеку. Евгений записывал до мельчайших подробностей свои многочисленные наблюдения за лосями, их повадками, отношением к людям, физическими возможностями. Собранный материал он обрабатывал, заносил в тетради, журналы, производил лабораторные исследования. В короткие минуты отдыха он все чаще думал о Леночке.

Незаметно пришла весна. Убрав лыжи, зимнюю одежду, Женя отправился навестить родных в Казань.

Прямо с железнодорожного вокзала зашел к Мозняковым. Дома были все. Отец, Константин Михайлович, занимался резкой по дереву. Из-под его рук выходили настоящие художественные изделия, которые охотно брал Казанский музей.

— Вот неожиданность! — увидев Женю, приятно удивился хозяин дома. — Девочки, посмотрите, кто пришел. Лида сидела с газетой в руках и с папироской в зубах, читая вслух о прогрессе, борьбе с мещанством, предрассудками. Леночка хлопотала на кухне. Наконец стол был накрыт. Увидев аппетитные пироги, Женя подумал: «Сутки не ел, как кстати мой визит».

На другой день Женя делился впечатлением об обеде с другом Леней.

— Знаешь, Лень, Леночка — настоящая хозяйка! Ей так шел белый фартучек. А вот Лида была несправедлива к сестре, кричала на нее, упрекая, что та купила плохую осетрину, из-за чего пироги были нехороши. Я, чтобы спа-

сти репутацию юной хозяйки, все-таки отведал кусочек. И, как видишь, не пострадал.

– Любовь, она все побеждает, – засмеялся Леонид.
Свои пылкие чувства к Лене Евгений выражал в стихах.

Леночке

Что ж, чувство тайное мое открыто!
Секрета нету в том, что я люблю тебя.
Мгновенье первого порыва пережито.
Пора, подруга, открывать себя!
Для тебя эти песни в груди родились,
Ты задела незримые струны.
И в большое и светлое чувство слились
Эти песни в груди моей юной.

Весна

Весна идет, весна сметает
С полей осевшие снега,
А солнце сверху помогает
Ей лаской теплого луча.
Весна идет, идет, вдыхая
Повсюду жизни и любовь.
И сердце, тайны раскрывая,
Быстрее по жилам гонит кровь.
Весна идет и украшает
Коврами пестрыми луга,
И Мир торжественно встречает
Улыбку вешнего лица.

Он никогда никому не показывал своих творений, писал для себя, изливая избыток чувств на бумаге, и на душе становилось спокойнее, будто поделился с кем-то незримым!

– Евгений Павлович, мне дверь пора запирать! – обратилась к нему уборщица.

– Да, да, извините, задержался.

Он быстро сложил бумаги и заспешил домой. Горячее солнце все еще стояло высоко над горизонтом, молодая листва блестела на деревьях как лакированная, изумрудом отливала трава. Проходя по парку, Женя обратил внимание на стоящую у дерева девушку, что-то рассматривающую в ветвях. На ней была черная юбка и белоснежная кофточка. По плечам рассыпались густые локоны. Внезапно она обернулась.

– Женя, ты?

Он молча взял ее за руку, и они пошли по парку. Гуляющие покинули парк за полночь, когда высоко в небе сияла луна, заливались хором соловьи, гроздь сирени ароматом наполняли ночной воздух. Под ее сенью на лавочке нашли приют влюбленные. Леночка, положив голову Жене на плечо, говорила:

– Ты появился у нас в доме в качестве Лидочкиного кавалера, я была маленькой и... влюбленной. Конечно, о своих страданиях молчала. И вот зимой ты вдруг заметил меня.

Женя пламенно обнял ее. На востоке заалела заря. Когда влюбленные вошли в дом, там шел оживленный спор. На

повышенных тонах Лидочка с матерью перебрасывались колкими фразами о «глупости», «недальновидности», «банальных обманщиках»...

Папа Костя робко изъявлял несогласие. Женя понял, что речь идет о нем. Увидев гостя, Лида зло бросила:

– Уходите отсюда и забудьте этот адрес!

Затем она яростно схватила Лену за руку, толкнула Евгения и заперла за ним дверь.

Прошло два месяца. Евгений вернулся из очередной поездки в Бузулук. Влюбленные были изолированы друг от друга, но пламя любви не погасло, как предполагали старшие, а, наоборот, разгорелось с новой силой.

Сидя с Леонидом, Евгений размышлял, как взять, казалось бы, неприступную крепость, за которой находилась Леночка. Силой? Дипломатией? Или ждать случая? Зашли знакомые ребята: художник Костя, лаборанты Саша и Борис. Посыпались анекдоты, вспоминались каверзные случаи и последние новости казанской жизни.

Вот один из анекдотов, который их забавлял и смешил.

«Поезд. Купе. Четверо пассажиров: старуха и молодая красивая девушка, молодой офицер и солдат. Все друг с другом незнакомы. Поезд въезжает в туннель – кромешная тьма, раздаются поцелуй и громкая пощечина. Поезд вышел из туннеля на свет. Все смотрят друг на друга, и каждый про себя думает: Старуха: «Это, вероятно, офицер поцеловал девушку, она дала ему пощечину». Девушка: «Это красивый офицер меня хотел поцеловать, а ошибся и поцеловал старуху, а она ударила его». Офицер: «Этот нахал сол-

дат поцеловал девушку, а она впотымах ошиблась и мне дала пощечину!». Солдат, ухмыляясь про себя: «Как я ловко поцеловал себе руку, а пощечину дал офицеру, чтобы не задавался».

Кончив смеяться, начали строить планы. Как помочь влюбленным? Появились шахматы – новое увлечение Леонида, этому он пытался обучить своих дам.

Утром Вера Павловна подошла к брату.

– Адам Андреевич привез картошку по дешевой цене и два мешка взял для Мозняковых. Ты бы сообщил им об этом, – попросила она.

Зайдя вечером к Леониду и застав у него знакомых Костю и Сашу, Евгений посвятил их в свой дерзкий план, над которым долго хохотали. Поздно вечером, когда в небе загорелись звезды и прибежал с тренировки Боря, занялись сборами. Достали тележку, загрузили мешки с картошкой и пошли по казанским улицам. Вот и дом Мозняковых. Хозяева горячо благодарят за заботу и внимание. Картошка в это время года всегда на исходе, и приходится переплачивать. Ребята с шумом и пыхтением заносят в кухню мешки. Перебросившись шутками с Лидочкой и Леной, удаляются. Семья садится ужинать и вдруг обнаруживает, что присланных мешков не два, а три.

Константин Михайлович, помешивая ложечкой чай в стакане, смотрит на шевелящийся мешок: «Вылезай, Женя! С праздником тебя». Лена дрожащими руками развязывает мешок, и на кухне появляется взъерошенный «жених». Смеялись все, даже Лида.

Свадьба была веселая, собралось много молодежи, был накрыт богатый стол (Адам Андреевич никогда не испы-

тывал нужды в деньгах). После свадьбы молодые супруги Евгений Павлович и Елена Константиновна Кнорре отправились на постоянное место жительства в заповедник «Бузулукский бор», в государственной научной станции которого Евгений работал сотрудником уже несколько лет. Здесь им предоставили только что отстроенный жилой домик, и они счастливо зажили. «Бузулукский бор» – своеобразный лесной остров, расположенный среди обширных пространств заволжских степей. В 1927 г. сюда была направлена специальная научная экспедиция для выяснения причин усыхания насаждений, этого ценнейшего массива, и разработки мероприятий, направленных на быстрейшее его оздоровление, восстановление экологии. Здесь и начал Евгений претворять в жизнь идею приручения и одомашнивания лося. В 1934 г. он был назначен старшим научным сотрудником, а потом директором заповедника. Елена Константиновна работала зоологом при научной станции. Эту дружную супружескую пару в заповеднике называли не иначе как голубками.

Добрая, безобидная кличка закрепилась за ними на долгие годы. И не напрасно. Свою большую любовь супруги Кнорре пронесли через всю жизнь. Евгений Павлович с энтузиазмом занимался научной работой, изредка с Еленой Константиновной навещая родных, которые также любили гостить у Кнорре, знакомясь с удивительными работами Евгения.

Спустя некоторое время в молодой семье произошло долгожданное и радостное событие: родилась дочка Леночка, которую родители ласково называли Лилечкой. Спала она в колясочке под могучими соснами. Птицы пели

ей колыбельные песенки. Первое животное, которое она погладила, был лосёнок. К семи годам девочка знала названия всех деревьев, птиц, животных, цветов. Здоровая, цветущая, румяная и красивая, она была большим счастьем для родителей.

Адам Андреевич отправился в Данию. Там он представил свою Верочку сестре-миллиардерше, обитающей в своём родовом замке на берегу Балтийского моря. Когда-то Адам Андреевич, рассорившись с родителями, покинул свою родину, потеряв всё наследство.

Сестра отнеслась благосклонно к «усыновлению» племянницы. Верочка осталась у тетки. Первое время Верочку забавлял ритуал переодевания: пышные балы и т.д. Но вскоре суровая тетка (не имеющая ни мужа, ни детей) накучила девушке, и Верочка начала досажать ей, подкладывая тетке забавные игрушки – всевозможные пищалки.

Спустя несколько месяцев Адам Андреевич получил от сестры письмо: «Дорогой брат, пожалуйста, заberi свою дочурку, это не девочка, а настоящий черт в юбке!»

Адам Андреевич опечалился и сделал дочери выговор: «Ай, Верочка! Фу, как ты нетактична!».

Поселившись в Германии у мамы и тети Кати, Вера потрясла своим эффектным видом двоюродных братьев, Павочку и Юрочку, ставших уже взрослыми людьми. Павел уже работал, Юра окончил лесной институт и собирался на службу в канадские леса. Пава мигом влюбился в Верочку, и тут же отпраздновали свадьбу. Проводили Юру в Кана-

ду, Боря Фауршоу в Дании женился на дочери хозяина шоколадной фабрики и заимел двоих детей.

В стране опустился железный «занавес», и о дальнейшей судьбе родственников ничего неизвестно.

В начале 30-х годов начались репрессии, ни в чем не повинных людей бросали в тюрьмы, расстреливали, отправляли в ссылку. Адам Андреевич как датский поданный успел спастись, увезя свою семью за рубеж. Вера с Верочкой остались в Германии у сестры Екатерины Дейнгардт, а Борю Адам Андреевич отправил в Данию, в Копенгаген. Там он впоследствии стал директором фабрики и даже успел прислать нам несколько посылок с шоколадом. Но вскоре границы были закрыты и с зарубежными родственниками потеряны все связи. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Евгения выселили из области как немца.

К тому времени Леночке исполнилось семь лет. Пришла пора идти в школу. Елена Константиновна привезла дочь к своим родственникам в Казань. Девочка начала посещать школу, училась на «отлично». Шла война, в школах было холодно, царил антисанитария. 29 декабря ее увезла скорая помощь с диагнозом «дифтерит», о чем сразу же сообщили Евгению.

В новогоднюю ночь, с 1941 на 1942 г., девочка умерла на руках у отца.

Как высланный немец, Евгений Павлович недолго работал в Кокчетаве старшим лесоводом. Его затем отправили к линии фронта на трудовые работы. Мобилизованные ру-

били лес, строили укрепления, копали окопы. Их постоянно перебрасывали в разные районы. Связь с домом, с семьей была почти прервана. Условия, в которых находились люди, были тяжелые: голод, мрачные, холодные бараки. Некоторые, не выдерживая, кончали жизнь самоубийством. Евгений Павлович, невзирая на трудности, не терял самообладания, молча выполнял все, что требовали: рубил лес, копал лопатой землю. Со всеми был дружелюбен и вежлив. Как-то весной 1944 года, идя с работы, Евгений Павлович уступил дорогу идущей навстречу женщине. Он уважительно относился к женщине, неважно, какого она сословия, — эта черта была привита ему с детства. Встречная женщина оказалась цыганкой. Вечером, заглянув в барак, где всегда было оживленно и суетно, любительница предсказывать будущее сказала Е. Кнорре: «Твоя судьба у порога!» Так и вышло. Буквально на следующий день Евгений Павлович по ходатайству Главного управления по заповедникам при Совете Министров СССР был демобилизован и откомандирован на работу в Печоро-Илычский заповедник на должность старшего лесничего. Провожали его с добрыми пожеланиями всей бригадой.

В Казань Евгений Павлович приехал пасмурным дождливым днем. Зато как светло и радостно было на душе! Дома встретила его Лена, только что пришедшая с работы, и ее родители. Их радость можно представить: ведь никто не надеялся, что увидятся вновь. Сколько писем написала Лена, сколько высоких инстанций обошла, прося о демобилизации мужа! И вот это произошло. А вскоре Евгений Павлович с Еленой Константиновной прощались с родны-

ми и знакомыми: путь их лежал на далекий север в Коми АССР в Печоро-Илычский государственный заповедник.

Ритмично стучат колеса на стыках рельс, мчится поезд, набирая скорость. Лена накрыла приоконный столик салфеткой, поставила посуду, испеченные в дорогу пирожки, разную снедь. Ехали они уже не первый день. Поезд шел на Пермь. В июне 1944 года в Якшу, которая относилась к Молотовской области, попасть можно было от Перми на пароходе до Рябинино, а затем на машине-полуторке через Чердынь до Ныроба, а дальше – на лошадях. В Ныробе путешественникам дали колхозных лошадей. Путь проходил через таежные деревни Корепино, Петрецово, Кикус. Здесь их встретили посланные заповедником лошади. Перегрузились и уже на свежих лошадях двинулись в Якшу. Возницами были молодые женщины А.Д. Лызлова и А.Е. Бурова. Мужчин в поселке почти не было – воевали на фронтах. Долгое путешествие благополучно закончилось. В Якше имелся один магазин, начальная школа, медпункт. Почтовое отделение было в деревне Курья – в 60 км выше по реке. В Якшу почта доставлялась на лошадях. В помещении бывшей церкви находился клуб, в котором демонстрировались кинофильмы и выступали самодеятельные артисты. Плотной стеной окружал село лес. Евгений Павлович с первых дней с увлечением занимался своей работой, стараясь как можно чаще бывать в тайге.

Елена Константиновна занималась устройством своего жилища, состоявшего из трех комнат, где была вся необходимая мебель. Она повесила занавески на окна, постели-

ла коврики, половички на пол. Через несколько дней пришел их багаж: вещи, книги, посуда. Наладив порядок в доме, Елена Константиновна устроилась в научную часть заповедника лаборантом, с июля 1949 года став первым зоотехником на лосеферме. При ее участии выращены все дикие лосята и первые домашние лоси, собраны данные по физиологии этих животных.

В Печоро-Илычском заповеднике Евгений Павлович Кнорре воплотил свою мечту – создал первую в мире лосеферму. Работы по одомашниванию таежного великана под его руководством начались в 1946 году. Вначале изучались особенности печорского лося, разрабатывались режимы содержания, воспитания отловленных лосят. И уже в 1949 году на базе 14 прирученных лосей разного возраста была открыта лосеферма. Начался этап одомашнивания лесных животных – необходимо было добиться нормального их размножения, выяснить перспективы использования в хозяйственных целях. К 1950 году эти вопросы были решены. Спустя десять лет началась селекционная работа с поголовьем. На ферме в разные годы содержалось до 50 голов. Многолетняя исследовательская работа показала, что лось – ценное промысловое животное. Его молоко содержит лечебные вещества, помогающие излечивать желудочно-кишечные заболевания, болезни печени, почек. Лось, животное доверчивое и любопытное, можно легко приручить, использовать его в хозяйстве как тягловую силу. Что и было доказано. Кстати, на базе опытной лосефермы были созданы научно-художественный фильм «Повесть о лесном великане», научно-документальный фильм «Одомашнивание лося» и несколько короткометражных хрони-

кальных фильмов режиссера Згуриди. Евгения Павловича играл в фильме артист Жаков.

Бытовала старинная поговорка: «Идешь на медведя – припасай врача, на лося – гроб тещи». Поэтому лосиная ферма с гуляющими по всей территории лосями поражала воображение.

...Евгений Павлович задержался в конторе. Уборщица Настя мыла полы.

– Слушай-ка, Павлович, давно хочу спросить, чего это ты так голову на макушке бреешь?

– С чего это ты взяла? – удивился Евгений Павлович.

– А почему на ней волос нет?

– Боже мой, да это у меня лысина!!!

– Какою-то лысину еще выдумал, – пожала плечами тетя Настя.

Вечером Евгений Павлович обсуждал этот вопрос с Еленой Константиновной. Почему здесь в глухой тайге люди не лысеют? У древних стариков и то густые кудрявые волосы, разве что с проседью.

– Вот еще одна загадка тайги, – засмеялась Елена Константиновна. – Возможно, со временем она будет разгадана.

– Да, здесь загадок много, – продолжил Евгений Павлович, – ядовитый гриб мухомор вроде бы опасен, а лоси поедают его как лакомство! Но молоко у них остается полезным и даже лечебным. Парадокс!

– Женечка, пора брать материалы твоих трудов и ехать в Москву. Хватит сопротивляться, ведь сколько ты собст-

венных денег вложил в развитие фермы! Время диссертацию защитить.

– Пожалуй, ты права, – согласился Евгений Павлович.

С 29 июня 1953 года по 31 марта 1954 года Евгений Павлович и Елена Константиновна жили в Москве. Решением руководства Московского пушно-мехового института от 29 июня 1953 г. протокол № 27 Кнорре Евгению Павловичу была присуждена ученая степень кандидата биологических наук.

Навестив Лидочку с мужем и сыном Игорем, в Казани – родителей, знакомых, супруги Кнорре снова отправились в свой северный таежный заповедник, давно уже обжитой, с массой близких знакомых. Жизнь вновь обрела привычное русло. Засыпанные снегом леса, разгуливающие великаны – лоси с огромными рогами, охотничьи собаки, гоняющие зайцев и воющие ночами, когда чуют близко медведя, все это давно стало привычным и близким.

После окончания средней школы в конце сентября 1957 года на самолете ЯК-12 прилетела в Якшу Эля Лебедева-Кудрявцева – устраиваться на лосеферму на работу и за «запахом тайги».

Ее привели к дому Кнорре. Встретила Елена Константиновна. Пили чай с необыкновенным морошковым вареньем. Елена Константиновна рассказывала о том, как были выращены первые дикие лосята, как собирались данные о физиологических особенностях этих крупных лесных животных. Пришел Евгений Павлович, они познако-

мились и вскоре уже разговаривали как давно знакомые люди. На следующий день отправились на лосеферму.

Эля быстро привыкла к таежной жизни. И уже через несколько месяцев в ватнике, брюках, шапке-ушанке и валенках каталась верхом на лосях. Со временем она заочно закончила Вологодский молочный институт, получила диплом зоотехника-ученого и продолжала работать на лосеферме зоотехником.

Однажды осенью медведь задрал лосенка, пришлось организовать отстрел стервятника. Молодые сотрудники лосефермы Зоя Собянина, Михаил Пашин, Эля Лебедева, просидев несколько часов на лабазе у привады, добыли зверя.

Евгений Павлович опекал всех молодых сотрудников лосефермы: помогал с трудоустройством, жильем. В заповеднике не было свободной жилплощади, и Сергея Бурова, молодого человека, окончившего школу, они с Еленой Константиновной приютили у себя, поселив его в небольшой комнатке.

Большое участие Кнорре принимали в судьбе москвички Ольги Воронковой – зоотехника лосефермы, – человека с неустроенной судьбой и больного. Элю Елена Константиновна называла «Женькиной дочкой» – та часто бывала у них – и за советом и по работе – и была своим человеком. Вся эта вечно голодная компания запросто могла попасть на пироги к Елене Константиновне, и она кормила всех с большим удовольствием.

Михаил Кожухов, отдавший развитию лосефермы более 40 лет, приехал в заповедник в 1956 году после окончания

Московской ветеринарной академии, он-то и стал правой рукой Кнорре, а после его отъезда возглавил лосеферму.

В одном из докладов в 1959 году Е.П. Кнорре писал: «Хочу принести благодарность всем, кто помогал в организации и создании таежной лосефермы. Это В.П. Теплов, Г.Г. Шубин, Е.К. Кнорре, под ее руководством и непосредственном участии были выращены и воспитаны все лосята. М.В. Кожухов лично объезжал лосей в упряжке. А.П. Кокшарова, Э.Н. Лебедева-Кудрявцева, А.Е. Глушак, А.Н. Паршакова, А.М. Пачгин, Е.А. Пачгина, З.А. Собянина».

В 1962 году у Елены Константиновны случился инфаркт. Врачи из Сыктывкара советовали переменить климат. Встал вопрос о возвращении в Казань. Елена Константиновна с сожалением смотрела на своего мужа: сможет ли он покинуть свое детище – лосиную ферму?

– Лена! Как ты можешь сомневаться? – воскликнул муж. – Твое здоровье важнее всего для меня! Едем в Казань.

9 декабря 1962 года Евгений Павлович приступил к работе в Волжско-Камском заповеднике, расположенном на территории Татарской АССР.

Управление заповедника находилось среди высокого соснового бора. Недалеко Раифское озеро, на берегу которого стоит монастырь. Купола церкви отражаются в неподвижной воде озера, солнце золотит сосны и сияют маковки церкви. Кнорре поселились в трехкомнатной квартире, в деревянном доме с верандой, около которой тут же были высажены цветы. Комнатки небольшие, и в одной из

них – пианино. Из их квартиры всегда лились звуки музыки. Евгений Павлович трудился в заповеднике, как всегда, с энтузиазмом. Снова из-под его пера выходили научные труды.

... Здоровье Елены Константиновны ухудшалось, и она настойчиво убеждала мужа выйти на пенсию и уехать в город Зеленодольск: «Пора тебе на пенсию, дружок. Лес – у дома, гуляй и продолжай работу для удовольствия. А ежедневно в холод и грязь тащиться за несколько километров, ночью возвращаться, какая в том нужда? Тебе одной работы с письмами хватит. Откуда их только нет: из Германии, Швеции, Норвегии, Франции, Канады, Австралии, а отвечать некогда. Письма от Гржимека, Даррелла! Через американское посольство пришло приглашение из Канады на международный симпозиум по зоологии. Поедешь?»

Евгений Павлович отказался, послал свой доклад, который приняли в Канаде и отпечатали на нескольких языках. Евгения Кнорре в этот период знал уже весь ученый мир. Его имя упоминалось во всех изданиях по биологии. Казанский университет постоянно поддерживал с ним связь. Е. Кнорре присутствовал на многих научных заседаниях, симпозиумах, часто делал доклады по приглашению.

... Окруженный лесом, Зеленодольск поражал чистотой, порядком и цветами. На Цветочной улице в новом пятиэтажном доме они и купили светлую просторную двухкомнатную квартиру. Дом располагался на опушке леса Зеленодольского лесничества. Благодаря чему квартира являлась и круглосуточной дачей, что позволяло Евгению Павловичу совершать ежедневные походы в лес и продолжать наблюдения, проводившиеся в Волжско-Камском за-

поведнике. Елена Константиновна купила рижскую мебель, книжные полки в шкафах заполнились дорогими изданиями русских и зарубежных классиков. Стена над диваном олицетворяла их любовь к природе – искусно исполненные, как «живые», на ветках сидят птицы в естественных позах: глухарь, глухарка, тетерева, сойки, сокол, куропатки, белочка, бурундучок. Посреди возвышалась голова лося с огромными рогами. Это все были экспонаты, сделанные руками Елены Константиновны.

В ноябре 1965 г. от дочери Ольги, Гали, пришло печальное сообщение о смерти матери и об убитом горем отце. Евгений Павлович знал, как сестра Ольга дружно жила с мужем Андреем Петровичем, их связывала любовь, основанная на большом уважении друг к другу, и глубоко сочувствовал ему.

Летом 1966 года Андрей Петрович, тоскуя по супруге, отправился к ее родным в Казань в сопровождении правнучка Боречки, десятилетнего мальчика. В Зеленодольске их встретили Елена Константиновна и Евгений Павлович. Всячески развлекали, опекали и угощали вкусными блюдами, которые так искусно умела готовить Елена Константиновна. Евгений Павлович водил их на прогулку в лес. Были они с визитом в соседнем городке Красногорске. Там жили сестра Ира (потерявшая мужа Николая) и ее сестра Валя, с которой они были неразлучны. Обе учительницы на пенсии. Встреча была трогательная и радостная. Пробыли в гостях почти месяц. На всю оставшуюся жизнь Андрей Петрович сохранил в душе теплое, умиротворенное чувство радости от этой поездки, сознание, что ты еще

многим людям нужен, тебя жалеют, сочувствуют и желают добра.

В 1967 году Евгения Павловича проводили на пенсию. Но, уже находясь на заслуженном отдыхе, он продолжал следить за природным миром. Однажды, к своему удивлению, он обнаружил целые гнездовья цапель. Считал, что этот вид пернатых в Татарии давно исчез. И вот, бродя по лесным зарослям вдоль Волги, Евгений Павлович глазам своим не поверил: на деревьях располагались большие конусообразные гнезда с разбросанными под ними рыбьими костями. Он, зайдя в укрытие, дождался-таки прилетевших больших серых птиц, что было лучшим подтверждением его догадок.

А жизнь шла своим чередом. Появились в квартире холодильник, потом телевизор, из-за чего меньше стали посещать кинотеатр.

В феврале 1976 года получили письмо от племянницы Гали – в возрасте 96 лет умер горячо любимый отец Андрей Петрович. Вся семья, дети, внуки и правнуки горько оплакивают его смерть.

Спустя год и Евгений Павлович похоронил свою Леночку – дорогую подругу жизни. Елена Константиновна несколько дней чувствовала недомогание. Легла на обследование в центральную районную больницу. Ничего особенного у нее не обнаружили и выписали домой. Евгений Павлович принес ей белье, одежду, она, смеясь, взяла узелок и вдруг начала падать. Причиной скоропостижной смерти стал инфаркт. Для Евгения Павловича начались пустые, ненужные, черные дни. Не хотелось ни есть, ни пить, он уходил в лес, сидел на сломанном дереве, ни о чем

не думая и ничего не видя. Шли десятки телеграмм со словами соболезнований. Приехали племянники, дети, внуки брата Алексея и Тюрмеры из Пензы. Помогли с похоронами и заспешили по домам. О совместном жительстве вопрос остался открытым. Дольше всех с ним находился внук Алеша Кнорре, но у него была масса своих нерешенных проблем. На 5-й день после похорон в квартиру к Евгению Павловичу заглянула соседка Терентьевна: «Грех так тосковать, – сказала с порога. – Иди поешь, я тебе пирожков напекла». Он поел. Другая соседка научила с газовой плитой обращаться – в житейских премудростях Евгений Павлович не слишком разбирался, все домашние заботы лежали на плечах любимой жены.

Шли дни. Жизнь продолжалась. Он никак не мог привыкнуть к своему одиночеству, к тому, что нет рядом самого близкого человека. Страшно было осознавать, что ты никому не нужен. Зима незаметно прошла. Один раз Евгений Павлович сильно заболел, но был настолько безразличен к себе, что даже к врачу не обращался. Однако здоровье поправилось, силы восстановились.

Пришло лето. Евгений Павлович взял легкий чемоданчик, попрощался с соседями и уехал в Москву «судьбу искать», как он пошутил.

У Бори (сына Володи), где остановился, было тесно. В двухкомнатной квартире жили пять взрослых людей. Вся квартира завалена хламом, сесть и то было негде. Он посидел полчаса и уехал. Направился в Саратовскую область, в город Энгельс к племяннице Гале, дочери любимой сестры. Галя была старшей дочерью Ольги и Андрея. Младшую звали Таней. Мужа у нее убили хулиганы. Сама она

работала директором школы. Растила сына Володю. Галя – медицинский работник. Ее муж Воскресенский Борис Сергеевич – инженер гидромелиоратор, был из культурной семьи, умер в 1947 г. Осталось двое маленьких детей: Юра и Наташа. Теперь они уже взрослые, имеют свои семьи. Жена Юры – Люда – педагог, математик. У них двое сыновей – Борис и Андрей. Бориса Евгений Павлович знал, он приезжал с Андреем Петровичем к ним в гости. У Наташи сын Олежка, вероятно, лет восьми-девяти. Фотографии всех племянников, внуков и правнуков хранятся в альбоме. Порадуются ли родные встрече с ним? С такими мыслями Евгений Павлович заснул под стук вагонных колес.

Утром он как-то растерялся на Саратовском вокзале, потом нашел нужную автобусную остановку. Он уже подходил к двери автобуса, когда почувствовал сзади крепкие объятия. Любимого дядю, к его большой радости, встречали племянница Галя и ее дочь Наташа. Обе женщины улыбались и были счастливы видеть близкого, родного человека. Квартира, куда пришли, была светлая, чистая, аккуратная. Комнаты большие, просторные. Евгений Павлович, почувствовав уют и теплое заботливое отношение, вздохнул с облегчением. Он подошел к окну, и перед ним открылся чудесный вид на Волгу, за которой виден был и Саратов, и Соколова гора, где когда-то устраивались соколиные охоты.

Евгений Павлович познакомился со всеми внуками и правнуками, каждый был с ним почтителен и внимателен. Старший Юра (педагог Георгий Борисович Воскресенский) с удовольствием показывал приволжские леса и катал на моторной лодке дядю Женю, так все его тут звали.

Ухаживали за ним Боря с Андрюшей, водили, знакомили с городом. Показывали и лес, выращенный Андреем Петровичем. Евгений Павлович прожил здесь все лето. Вели разговор о совместном жительстве. Галя сказала: «Дядя Женя, наш дом – твой дом. Оставайся у нас насовсем».

– Пожалуй, я приму ваше предложение, – ответил явно польщенный дядя Женя. У вас я почувствовал частичку Неклюдовки. Но в данный момент я не могу покинуть Зеленодольск. Еще свежа могила Лены

Это всем было понятно. Сын Наташи, Олежка, 10-летний мальчик, любознательный, красивый, и тот был в курсе всех дел. Воспитывался всей семьей: на охоте «проходил курс молодого охотника» под руководством дяди Юры и старших братьев, Бориса и Андрея, учился в музыкальной школе. С удовольствием ходил на прогулки с дядей Женей и находил с ним общий язык. Вечерами родные вновь и вновь возвращались к вопросу о переезде. Решили этот трудный вопрос отложить: У Галины Андреевны это было связано со стажем работы, у Наташи – учебный год не за горами. На переезд в Зеленодольск требуется время. Вечером, когда все заснули, Наташа подошла к Галине Андреевне: «Мама! Я не могу смотреть без слез на этого всеми брошенного старого человека! Представь себе, как он приедет домой и войдет в пустую квартиру, где его никто не ждет! У меня сердце кровью обливается и совесть всю жизнь будет мучить, если, не дай Бог, с дядей Женей что-нибудь случится!» Галина Андреевна поднялась с постели: «Знаешь, Наташа, я и сама думаю так же. Но как помочь? Мне надо доработать год!»

– Не волнуйся, мама, я поеду с Олегом вдвоем, а ты присоединишься к нам на следующий год.

Утром Евгений Павлович, сгорбленный, седой старичок, начал собирать свои вещи, забывая от волнения то про плащ, то про шляпу.

– Дядя Женя, ты куда? – удивленно спросил Олежка, прибежав с улицы. – Мама, баба Галя, тут наш гость куда-то собирается! Он поднял домашних с постели. Накинув халаты, обе выбежали в коридор, смеясь и плача, между поцелуями объяснили перемену в ситуации. Через пять минут все сидели за завтраком и дружно обсуждали переезд.

...В Зеленодольске Евгений Павлович прожил пять счастливых лет. Соседи замечали, что с приездом родных он поправился, посвежел, стал опять бодрым и деятельным. Галина Андреевна и Наташа устроились на работу, каждая по своей специальности. Олегу в школу бегать было недалеко. В музыкальную школу его провожала Галина Андреевна – эти походы были в удовольствие: бабушка с внуком шли не спеша, любуясь красотой города. Евгений Павлович жил полной жизнью: утром завтракал, шел в лес. После обеда играл на пианино, писал свои наблюдения за природой, много гулял, принимал гостей. Вечером, собираясь вместе, смотрели телевизор или шли в кино. В доме царил самая доброжелательная атмосфера.

Приезжали гости: Люда, Боря с Таней и крошечной дочкой Наташей, навещала и сестра Галины Андреевны Татьяна Андреевна с сыном Володей. Жили спокойно, без хлопот и забот. Позже, много лет спустя, Галина Андреевна и Наталья Борисовна посчитают, что период их жиз-

ни в Зеленодольске с «дядей Женей», Евгением Павловичем Кнорре, был самым счастливым. Но родные в Энгельсе звали их домой. Олег тоже тянулся к дяде Юре, заядлому охотнику и рыболову, и к братьям, Боре и Андрею. А здесь, как на грех, появилась возможность обмена квартир. Посоветовались с дядей Женей. Его ответ был таков: «Мне нужны только вы, а место жительства не имеет значения». Таким образом, они очутились в Энгельсе в 1983 году.

Переехав в другой город, занялись благоустройством новой квартиры. На это время Евгений Павлович с Олегом поселились в семье Бори. Боря, окончив медицинский институт, работал в медсанчасти врачом-хирургом. Комнату Евгения Павловича обставили так, что она вместе с пианино была полной копией зеленодольской квартиры.

Как-то мартовским днем Олег с дядей Женей надумали построить скворечники. Олег, готовясь к музыкальной школе, сидел за пианино. «Дружок, давай поспешим, – поторапливал дядя, – ты уже выучил это произведение так, что можешь исполнять его в большой аудитории под бурные аплодисменты». Забегая вперед, скажу, что слова его оказались пророческими. Олег служил на флоте. Однажды их корабль находился у причала болгарского города Варна. Во время ночного дежурства, когда полная луна, купаясь в море, освещала все вокруг, Олег заметил стоящее на палубе среди ящиков пианино. Он открыл крышку и начал играть. Полились божественные звуки «Лунной сонаты». Закончив игру, Олег с изумлением услышал аплодисменты за своей спиной. Оказывается, команда высыпала на палубу. Вот тогда и вспомнились парню вещице слова дяди.

Отпраздновали новоселье. Евгений Павлович с удовольствием играл на пианино и рассказывал различные истории из своей жизни. Прогуливаясь однажды по зеленодольскому лесу, он подвергся нападению хулиганов. Двое взрослых парней пытались снять с него часы. Однако Евгений Павлович сумел привести их в милицию. Все отделение хохотало, глядя на невысокого старичка, доставившего в отделение здоровых ребят. Смеяться перестали, когда узнали, что этот человек, вырастивший сотню грозных лесных великанов, обладает большой силой и бесстрашным сердцем.

Евгений Павлович привыкал к Энгельсу. У него были любимые уголки для гулянья: расположенное недалеко от дома озеро, заросшее брошенными садами, сосновый лес, парк вдоль Волги и другие красивые места. Жизнь наладилась, вошла в свой ритм...

21 марта 1986 года Евгения Павловича Кнорре не стало! Болел он всего 4 дня и, хотя у него было нарушение мозгового кровообращения, умер в сознании. Евгений Павлович за свою долгую жизнь никому никогда не причинил зла. Это был добрый, внимательный, интеллигентный человек, большой ученый. Его смерть стала большим горем для родных и близких, для всех, кто знал его. Осиротевшие Галина Андреевна и Наталья Борисовна ходили по опустевшим комнатам и плакали...

Прошло время, но осталась священная память о Человеке с большой буквы – Евгении Павловиче Кнорре.

21 июня 1986 г.

г. Энгельс Саратовской обл.

Галина Андреевна Воскресенская

ЕВГЕНИЙ КНОРРЕ
Биографическая повесть

Редактор С.Б. Свигзова
Корректор Л.В. Гудырева
Компьютерный макет А.А. Ергаковой

Подписано в печать 12.01.2011. Печать ризографическая
Бумага офсетная. Формат 60x84/16
Усл. п.л.4,4. Заказ № 306
Тираж 300 экз.

ИПО СыктГУ. Морозова, 25